

1
98-4
88
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
РУКОВОДЯЩИХ РАБОТНИКОВ И СПЕЦИАЛИСТОВ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
МИНИСТЕРСТВА ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кафедра гуманитарных дисциплин

А. И. Доронченков

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ "ПЕРВОЙ ВОЛНЫ"
О НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ПОКИНУТОГО ОТЕЧЕСТВА

Очерк

Санкт-Петербург
1997

УДК 32 С
ББК 66.5 (2)
Д 69

Рекомендован к изданию
ученым советом института

Очерк подготовлен в рамках Государственной научно-исследовательской программы "Народы России: возрождение и развитие".

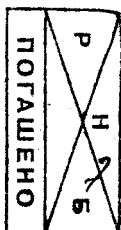
Доронченков А. И. Российская эмиграция "первой волны" о национальных проблемах покинутого отечества. Очерк/ Центр. ин-т повышения квалиф. руководящих работников и специалистов проф. образования М-ва общего и профессионального образования Российской Федерации. Кафедра гуманитарных дисциплин. - СПб., 1997. - 78 с.

В книге изложен учебный материал по курсу этнополитологии. Рассматриваются взгляды идеологов российской эмиграции первых революционных десятилетий на проблемы наций и евразийства.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов обществоведческой специализации.

ISBN 5-7238-0105-8

(С) Доронченков А. И.; 1997

97-44753

1914

ВВЕДЕНИЕ

Трагедия российской эмиграции, сколько бы о ней не писали, с трудом поддается объемному осмыслению. Она коснулась миллионов человеческих судеб и была, пожалуй, самым значительным миграционным процессом после начального этапа освоения европейцами Америки. Кое-кто сегодня, когда улеглись пореволюционные страсти, готов объяснить это явление традиционной для русских готовностью к пространственным перемещениям, инстинктом "передвижений", выработанным за столетия освоения огромных территорий России. Ведь и в глубоком прошлом социальные конфликты на Руси нередко разрешались путем бегства подальше от тяжелой руки властей преобладающих - на Дон, за Урал, в Сибирь... Однако эмиграция 1917 г. и последующих лет имела иное содержание. Для одних это было бегство от советской системы как политического противника, для других - официальное изгнание. И в том, и в другом случаях результат обернулся принципиально одним и тем же - лишением Родины и гражданства, а для России - утратой огромного культурного и научного потенциала, существенно осложнившей процесс пореволюционного духовного и материального развития страны. *

---

* Традиционно эмигрантами именуется лица, покидающие государство, гражданами или подданными которого они являются, с целью длительного проживания за пределами своей родины. В первые десятилетия Советской власти этот термин, как правило, использовался с оттенком осуждения по отношению к людям, выехавшим или бежавшим за рубеж с утратой российского или союзного гражданства. Некоторые изменения в юридической практике эта проблема претерпела после принятия 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека, предусматривающей право личности "покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну" (п. 2 ст. 13). Правда, Декларация содержала положение, согласно которому государство могло в случае необходимости законодательно ограничивать право на эмиграцию. Принятый в 1966 г. Международный пакт о гражданских и политических правах в ст. 12 уточнил позицию ООН, предусмотрев ограничения, связанные с охраной государственной безопасности, здоровья и нравственности населения. Это обстоятельство позволило государственным структурам регламентировать эмигрантский процесс.

1. ЭМИГРАЦИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Проблемы эмиграции и российского зарубежья лишь в последнее десятилетие обрели научный статус. Обычно их причисляли к сфере политики, поскольку в рамках советской историографии во главу угла ставился вопрос об отношении различных социальных слоев общества к господствовавшему в СССР политическому строю. Взаимная враждебность двух сторон - Советского государства и массовой эмиграции - становилась доминантой исследовательских решений. Эмиграция "рисовалась" несвободными от политических пристрастий отечественными учеными лишь в темных красках. В свою очередь, события в Советском Союзе оценивались "русским зарубежьем" преимущественно с позиций отрицания их целесообразности и реальных достижений.

Шли годы, но основные тенденции менялись медленно. В период между гражданской войной в России и второй мировой войной эмиграция "подпитывалась", с одной стороны, за счет насильственно высланных из страны ее граждан (подобно депортированной по прямому указанию В.И. Ленина [1] большой группы выдающихся ученых) и, с другой, - за счет так называемых "невозвращенцев" - бывших служащих, направлявшихся по делам за границу, но не решавшихся вернуться домой. Свертывание Новой экономической политики и сталинские репрессии очень скоро развеяли ожившие было в эмигрантской среде иллюзии по поводу такого перерождения советского режима, которое открыло бы возможность всем желающим возвратиться к родным очагам.

Лишь с победой фашизма в Германии и возникновением реальной для СССР военной угрозы в среде зарубежных россиян обострилась политическая поляризация. Причем на этот раз не в связи с отношением к внутрисоветским процессам, а в связи с неумолимо надвигавшимся вооруженным столкновением потенциальных противников - национал-социалистской Германии и Советского Союза. Жизнь постоянно вносила коррективы в позицию сторон: эмиграции - по отношению к Родине и Родины - к ней.

Эмиграция в истории человечества - явление обыденное. Ее мотивации бывают разными - от ожидаемых выгод на новом месте проживания до политической целесообразности или естественной необ-

ходимости сохранить жизнь. И в истории России миграционные потоки за ее пределы и извне практически никогда не прекращались. В абсолютном большинстве случаев им не придавалось откровенной политической окраски и не велась скрупулезная статистика. Лишь пограничная регистрация позволяет некоторым образом судить о состоянии бывших миграционных процессов. По данным паспортного контроля, в 1898 г. из России выбыло за границу 175 796 русских подданных и 225 996 иностранцев, а въехало или вернулось из-за рубежа 136 354 русских подданных и 279 691 иностранец, т.е. русских выбыло на 39 442 человека больше, нежели возвратилось, а иностранцев, напротив, прибыло больше, чем выехало, на 53 695 человек. Эта тенденция прослеживалась как долговременная. За пятилетие с 1892 г. по 1896 г. перевес выбывавших русских над возвращавшимися достигал в среднем ежегодно 34 559 человек, тогда как перевес прибывавших иностранцев над выезжавшими составлял 16 609 человек [2]. Политические мотивы вряд ли были в то время стимулятором основных миграционных потоков. Они стали таковыми после октября 1917 г.

В процессе формирования пооктябрьского российского зарубежья выделяются три главных этапа. *Первый этап* - эмиграция времен гражданской войны и первых послереволюционных лет, включавшая остатки белогвардейских войск, представителей дворянства и купечества, творческой интеллигенции, самостоятельно покинувших страну или высланных по решению советского правительства (Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, Д.П. Рябушинский, П.А. Сорокин и многие другие известные русские мыслители). По данным Лиги Наций, опубликованным в сентябре 1926 г., после октябрьского переворота 1917 г. Россию покинуло 1160 тыс. человек, а всего в 1920-1925 гг. в русском зарубежье насчитывалось около 10 млн. бывших российских подданных. Среди них преобладали русские. Так, в числе российских беженцев, высадившихся в 1920 г. в Варненском порту, русские составляли 95,5%, из них 54,2% мужчин были представителями интеллигентских профессий, а среди женщин и того больше - 88,4% [3].

Второй этап - эмиграция, возникшая в годы второй мировой войны. В количественном отношении она также исчислялась миллионами. Ее состав группировался в основном из двух категорий: а) предателей, активно сотрудничавших с немецко-фашистскими оккупанта-

ми, и участников антисоветских вооруженных формирований (РОА, УПА и др.); б) перемещенных лиц, вывезенных гитлеровцами на работу в Германию и по тем или иным причинам не вернувшихся домой после войны. Расхождение этих групп во взглядах на советский политический строй было более полярным, нежели у первой эмигрантской волны: от ненависти до благожелательности. Последней помогало то обстоятельство, что в годы Отечественной войны значительная часть первого потока российской эмиграции, если не практически, то во всяком случае духовно, поддержала советский народ в его борьбе с фашизмом, желая победы советскому оружию. Поэтому существенного сближения первого и второго потоков эмиграции за пределами нашей страны не произошло. Зато на антисоветской и антирусской почве эмигранты военного времени из Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии сблизились между собой и с теми эмигрантскими группами, которые оставили родные места в поисках заработка до вступления этих регионов в состав СССР (украинская диаспора в Канаде и др.). Известную эмигрантскую группу с антирусским оттенком составили покинувшие страну и осевшие в сопредельных южных странах некоторые бывшие участники басмачества.

Третий этап эмиграции из России приходится на 70-80-е годы. В количественном отношении она оказалась менее значительной. Мотивы этого процесса не были однозначны. Но при всем разнообразии эмигрантских устремлений они достаточно четко делятся на три группы: а) выезд на "историческую родину" (Израиль, Германия, Греция) или в США; б) вынужденный или добровольный отъезд либо высылка диссидентов из числа творческой интеллигенции (А.И. Солженицын и др.); в) создание семей, состоящих из лиц разного гражданства: основная масса представителей этой категории - женщины; значительная их часть, осев в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, утратила российское гражданство, но все еще не порывает родственных связей с бывшими соотечественниками.

В настоящее время наступает этап новой крупной волны эмиграции. Ее будут стимулировать приближение массовой безработицы, материально-бытовая неустроенность и неадекватная оплата работников умственного труда. По некоторым оценкам, в ближайшие 5-10 лет этот поток может составить от 0,5 до 6-7 миллионов человек

в год (!) и будет иметь вполне легальную конституционную основу. Он вряд ли обретет политические черты. В социальном отношении он обещает быть чрезвычайно пестрым - от рабочих до высокоинтеллектуальных групп населения. Исключение, пожалуй, составит крестьянство. В числе эмигрантов может оказаться небольшая по численности группа "деловых" лиц, хотя острая конкуренция на Западе и пока еще не освоенный рынок внутри России скорее всего создадут благоприятные условия для внутреннего приложения сил этой группы (близость зон предпринимательства и криминальной среды создает специфические особенности этой ситуации, стимулируя отъезд как легальных бизнесменов из числа так называемых "новых русских", стремящихся к личной безопасности и комфорту западного уровня, так и уголовников, расширяющих сферу своей деятельности, скрывающихся от правосудия, и пр.). Есть также основания полагать, что естественная для всего мира эмиграция на основе брачных отношений примет новые, более крупные масштабы. Не следует исключать и процесс обратного свойства, т.е. реэмиграцию бывших советских лиц из стран Центральной и Юго-Восточной Европы в связи с растущей советофобией и русофобией. Однако этот поток в ближайшее время едва ли станет массовым. Скорее адаптировавшиеся в европейской жизни наши соотечественники подадутся на Запад в поисках более благоприятных условий жизнеобеспечения.

Поток публикаций об эмиграции, хлынувший ныне на страницы российской научной и околонаучной периодики, книги по данному вопросу [4] отличаются односторонностью. Эта нередко встречающаяся черта вряд ли может стать основанием для уничижительного упрека в адрес их авторов. В конце концов, частная тема нередко требует и частного ответа. В результате появляются интересные исследования, касающиеся отдельных периодов или "волн" российской (в основном "белой") эмиграции, роли эмигрантского слоя в политической, культурной и научной жизни зарубежья. Но при этом из поля авторского внимания исчезает такое отнюдь не частное обстоятельство, как *встречная политическая эмиграция*. Никто еще не решился сопоставить исторически одновременные *встречные эмигрантские потоки* (из России и в Россию, т.е. в Советский Союз), выявить стимулировавшие их обстоятельства и условия формирования, социальный

состав, роль политических и идеологических позиций, а также характер адаптации вне Родины и психологические аспекты существования разнородной эмигрантской среды. Несравнимые по своей массовости, они сопоставимы как явления.

Вспомним в этой связи с том, что поражение советской власти в Венгрии, антифашистского восстания в Болгарии (1923 г.), Краковского и Гамбургского восстаний 1923 г. в Польше и Германии "выплеснуло" за пределы этих стран десятки тысяч человек, многие из которых нашли убежище в СССР. Они пополнили тот значительный слой политической эмиграции, который сложился к началу 20-х годов в России (это люди, бежавшие из Финляндии, Латвии, Литвы, Эстонии вследствие ликвидации там советского режима, и некоторая группа оставшихся после первой мировой войны иностранных военнопленных).

Анализ встречных потоков политической эмиграции позволяет при всей их политической и идеологической антагонистичности выделить в них немало общего.

Во-первых, в обоих случаях эмиграция была вызвана конфликтом с политическим режимом. Люди опасались преследований на родине за содержание своей политической деятельности или за участие в открытой борьбе с властью, а то и за неприятие на обиходном уровне вновь формируемых общественных отношений. Так было и с российской "белой" эмиграцией, и с революционно-пролетарской (марксистско-коммунистической), антифашистской эмиграцией 20-30-х годов из ряда европейских стран. Иначе говоря, расставание с родиной, сопровождавшееся ломкой судеб и представлений о справедливости, было для этих групп эмигрантов вынужденной мерой.

Во-вторых, эмиграция в обоих направлениях на каждом из отмеченных выше этапов ее развития не была одноактным явлением. Так, русская антисоветская диаспора за рубежом периодически пополнялась за счет относительно немногочисленных "невозвращенцев" - сотрудников советских внешнеторговых и дипломатических представительств, в числе которых можно было встретить бывших партийных работников высшего звена или органов разведки. А из противоположного лагеря избирали СССР местом своего пребывания деятели рабочего и коммунистического движения, антифашисты, беженцы из охваченных гражданскими войнами Китая и Испании.

В-третьих, хотели того или нет эмигранты, но на их деятельности вне Родины сказывались идеологическое и политическое противостояние двух систем, политические предубеждения и амбиции их лидеров. Нечто подобное наблюдалось и после второй мировой войны, когда, к примеру, обострились советско-югославские отношения.

В-четвертых, и для тех, и для других эмиграция оказалась связанной с необходимостью подчас нелегкой адаптации в *иностранной среде*, отличавшейся иными политическими режимами и традициями, бытовыми условиями. В сравнении с коренным населением они ощущали себя ущербными, да и "аборигены" зачастую неблагоприятно относились к "пришельцам": "людей, покидающих отечество для чужих краев, на чужбине не уважают, а на родине чуждаются" (Эзоп). Например, в некоторых сопредельных с Россией странах, как следствие их прошлого пребывания в ее составе, отношение к российской эмиграции отличалось особой неприязнью. Эмигранты воспринимались не только как носители былого имперского самосознания и имперской культуры, но и как люмпенизирующийся элемент, критическая масса которого способна оказаться опасной для отпочковавшихся от империи государств. Их правящие круги стремились вытравить из национального сознания и облика городской среды (уничтожение фасадов зданий в "русском стиле" в Финляндии, разрушение православного собора в Варшаве и др.) явные свидетельства былой зависимости.

Откровенное сопротивление имперскому воздействию ощущалось, конечно, и в прошлом. Не случайно финский исследователь Т. Вихаяйнен в своей неопубликованной рукописи отмечал, что еще во времена пребывания Великого княжества Финляндского в составе России русским было трудно обосноваться в этой части империи. Он считал финскую политику тех лет по отношению к русским "некоторого рода апартеидом".

Оставались памятными и разрушительные последствия финляндской просоветской революции 1918 г. Надо ли удивляться тому, что после провозглашения Финляндией независимости в этой стране смогли обосноваться лишь около 15 тыс. беженцев из России, из которых почти половину составляли карелы и ингерманландцы? В этой связи становятся понятными массовые расстрелы русских (включая женщин и детей) в Выборге и некоторых других населенных пунктах этой

страны в первые дни ее независимости. Недоброжелательность к русским сопровождалась здесь появлением презрительной клички "русся" [5].

В чрезвычайно тяжелом положении оказалась российская эмиграция в Эстонии, которой армия генерала Юденича помогла отстоять свою независимость в борьбе с Советской властью [6], и в ряде других прибалтийских государств. Более лояльными к ней были политические режимы стран Центральной и Юго-Восточной Европы, не входивших в состав Российской империи - Чехословакии, Югославии и Болгарии.

Как сделать себя нужным обществу, приютившему эмигрантов? Этот вопрос для многих не был легким. Решить его удавалось отнюдь не каждому. Потому-то история эмиграции - это еще и история бесчисленных сломленных судеб и личных трагедий. "Не уступать. Не сдаваться. Не стерпеть. // Свободным жить. Свободным умереть. // Ценой изгнания все оплатить сполна. // И в поздний час понять, уразуметь: // Цена изгнания есть страшная цена", - писал в одном из своих стихотворений Дон-Аминадо (А.П. Шполянский) [7].

В-пятых, жизнь большинства эмигрантов до их адаптации в новой среде сопровождалась долго не утихавшей тоской по родине, родному языку, отечественной культуре. Так было с русскими вне России, так было и с эмигрантами, оказавшимися в СССР.

И, наконец, в-шестых, многими эмигрантами был внесен личный вклад в развитие хозяйства, науки и культуры стран пребывания. Деятельность некоторых из них получила мировое признание. В сущности, единственным способом реализоваться для эмигранта, не связанного с художественным и научным творчеством на родном языке или с отечественной политикой, была ассимиляция в соответствующей стране пребывания. К примеру, выехавший из России Андре Грабар, ставший впоследствии крупнейшим французским византологом, сознательно интегрировался во французские академические круги и поддерживал минимальные контакты с бывшими соотечественниками. В американской научной и инженерной среде с успехом адаптировались академик АН СССР химик-органик В.Н. Ипатьев и известный авиаконструктор И.И. Сикорский, во французской - группа русских инженеров, создавших гордость французского флота 30-х годов океанский

лайнер "Нормандия". Констатируя подобные факты, не следует забывать, что они были следствием поляризации политических систем и искусственно сделанного выбора.

В этой связи заслуживает всяческого изучения та страница истории эмиграции, которая, например, связывает Россию со странами Центральной и Юго-Восточной Европы и прежде всего со славянскими государствами. До сих пор не известно точное число российских эмигрантов, потоком прошедших через славянские страны или осевших в них. Отрывочные данные свидетельствуют, что их были сотни тысяч. В 1922 г. только в Польше жило 175 тыс. беглецов из России, в Югославии - 43 тыс. В Болгарии, где в 1919 г. находилось более 5 тыс. русских военнопленных, отказавшихся вступить в Добровольческую армию белых, в начале следующего года на правительственном уровне было принято решение о принятии до 8 тыс. российских беженцев. Но действительность опрокинула расчеты: в конце 1920 г. через эту страну прошли десятки тысяч белоэмигрантов. Даже после репатриации около 10 тыс. бывших врангелевцев на Родину вослед объявленной Советской властью политической амнистии в этой стране осталось, по данным профессора П. Панайотова, около 27 тыс. русских эмигрантов, а в Югославии - 28 тыс. бывших россиян.

Несколько иные цифры приводятся А. И. Ушаковым, который полагает, что в 1927 г. в Югославии проживало 33 865 русских. Что касается других стран, то, по его мнению, в Германии тогда находилось 446 654 русских эмигранта, во Франции - 389 450, в Чехословакии - не более 30 тыс.; в Китае - 76 тыс. человек [8].

Видимо, нет оснований сомневаться в соответствии вышеприводимых данных действительности, так как русская эмиграция первой волны напоминала собой "переливающуюся" из страны в страну массу, что объясняется поиском чуть ли не во всем мире (вплоть до Аргентины, Австралии или Южной Африки) наиболее благоприятной среды для адаптации вне России.

Не следует идеализировать российскую эмиграцию. Она представляла собой довольно пеструю картину - от способных адаптироваться в новой среде дельных людей до откровенных авантюристов. Многие тешили себя иллюзиями будущего победного возвращения на

родину. Но была в их среде и внушительная группа ученых, писателей, инженеров, врачей, художников и актеров, чья деятельность за рубежом снискала им славу. В университетах Берлина, Праги, Белграда, Софии, Каунаса и Риги вели научную и преподавательскую деятельность такие видные ученые, как историк литературы И.Н. Голенищев-Кутузов, публицист и историк П.Н. Милюков, историк и филолог П.М. Бицилли, философ и историк-медиевист Л.П. Карсавин и др. И хотя на страницах русской зарубежной периодики преобладали публикации политического характера, время от времени освещалась и жизнь славянских стран, появлялись художественные произведения, связанные со славянской тематикой (переводы К.Д. Бальмонта с болгарского языка и т.д.). В Праге, Белграде и Софии проходили съезды русских зарубежных академических организаций. В 1930 г. был издан подготовленный Белградским русским институтом первый выпуск "Материалов для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920-1930)". В увесистый том, почти в 400 страниц, было занесено свыше 7 тыс. номеров научных публикаций 472 авторов. В их числе такие имена мировой известности, как М.И. Ростовцев, Н.И. Андрусов, П.Н. Милюков, П.В. Струве, В.Ф. Ходасевич и др. И это при том, что в сборнике не были упомянуты работы Л.Н. Потресова, В.А. Маклакова, Д.И. Чижевского и других профессоров. Труды многих русских ученых были изданы на большинстве европейских языков [9].

Не прекращалась творческая жизнь литературной эмиграции [10]. Однако, как отмечал в своих воспоминаниях Лев Любимов, "в отрыве от Родины могли удержаться (при этом не всегда) на уровне, достойном великой русской литературы, лишь писатели, выехавшие из России уже крупными мастерами..." [11]. Исключения (В.Набоков) носили единичный характер. Видимо, оторванность от Родины обусловила появление большого количества произведений мемуарного жанра. Политическая природа разрыва с Отечеством определила и политическое содержание большей части такого рода литературы. При этом, что вполне естественно, мемуаристы стремились реабилитировать себя за прошлое, представить собственную роль в освещаемых событиях в выгодном для себя свете. Однако в обобщенном варианте они смогли создать достаточно целостную картину военно-политического поражения белого режима.

В эти же годы эмиграцией организуется немало художественных выставок, на театральных подмостках ставятся не только произведения дореволюционных авторов, но и пьесы некоторых советских драматургов (например, "Дни Турбиных" М. А. Булгакова), печатаются произведения С. Есенина, М. Зощенко, из советских журналов перепечатаются карикатуры Н. Э. Радлова и других художников.

Постепенно складывается несколько центров российской диаспоры, хотя время от времени меняются их престижность и роль в эмиграционных делах. В итоге наиболее оживленная политическая, научная и культурная жизнь зарубежных россиян концентрируется в Париже, Берлине (до середины 30-х годов) и в Праге. Часть политически пассивных эмигрантов оседает в Соединенных Штатах, куда в свою очередь перемещается политический центр эмиграции во время и после второй мировой войны.

Что касается другого, противоположного потока эмиграции, то в своем большинстве он состоял из революционеров, чья деятельность по тем или иным мотивам была пресечена на их родине правыми органами. В Советском Союзе они в основном разместились в России, на Украине и в Белоруссии. Многие из их числа продолжали свою политическую деятельность в Коминтерне (Г. Димитров, В. Пик, В. Ульбрихт, К. Готвальд и др.), часть занимала командирские посты в Красной Армии, войсках ВЧК и ОГПУ (М. Залка, К. Сверчевский и др.) или в органах внешней разведки (И. Винаров), некоторые ушли в науку и достигли в ней широкой известности. В числе последних академики З. Неядлы, Е. Варга, ставший впоследствии президентом Болгарской академии наук Т. Павлов, известный философ и теоретик эстетики Д. Лукач, искусствовед И. Л. Маца, доктора наук Л. Валев и К. Дмитров. Часть же представителей этого потока эмиграции угодила в сталинско-бериевские застенки и бесследно исчезла.

Но вернемся к российской эмиграции. Ее будни были связаны с большим кругом проблем - от адаптации в новой среде до непреклонной и неустанной борьбы с Советской властью. Постепенно в ее среде зрела необходимость осмысления феномена эмиграции вообще и революционной русской эмиграции в частности. На эту тему велась острая журнальная дискуссия. В ходе нее подчеркивалось, что

"внешний признак, определяющий эмигрантское состояние - вынужденное пребывание на чужбине вследствие особенностей политического режима на родине, является чисто формальным и ничего по существу не говорящим". И далее: "Эмиграция - отнюдь не единая, раз и навсегда данная категория, обладающая независимо от условий времени и истории, независимо от характера причин, ее вызвавших, одинаковой внутренней природой" [12].

Участники дискуссии отмечали разницу между дореволюционной российской эмиграцией, существование которой оправдывалось недовольством значительной части населения России политикой самодержавия, и эмиграцией пореволюционной, лишенной на родине массовой социальной опоры. С такой позицией было трудно не согласиться, как и с тезисом, в соответствии с которым русская эмиграция 20-30-х годов имела много общего с французской эмиграцией конца XVIII - начала XIX вв. Обе они в значительной своей части состояли из представителей свергнутых социальных групп и разделяли реставраторские воззрения. Их идеалы в своем большинстве были обращены в безвозвратно утраченное прошлое. И даже такие эмигрантские слои, как казачество и солдаты бывшей Белой армии, не были лишены надежд на восстановление своего былого статуса по возвращении домой.

Часть российской пореволюционной эмиграции отличалась от вышеназванной группы. Она состояла из тех, кто готовил революции победу, но разошелся с большевистской партией, искажившей на практике собственные идеалы (Л. Д. Троцкий, Ф. Ф. Раскольников, Н. В. Валентинов-Вольский и др.). Противоречия между этими эмигрантскими группами были непримиримыми. Как отмечал член редколлегии журнала "Воля России" Е. А. Сталинский, первые связывали свою судьбу с торжеством контрреволюции, восстанавливавшей прошлое в максимально возможных размерах, вторые - с торжеством тех идей, во имя которых совершена была революция, навсегда заграждавшая дорогу реставрации прошлого. Именно поэтому, считал он, "русская эмиграция, как таковая, в политическом отношении быстро превратилась в высохшую смоковницу" [13].

Политическое "усыхание" русской диаспоры оказалось естественным процессом. Повседневная нужда затягивала эмигрантов в свои тенета. Часть их уходила в мир иной, часть "рассасывалась" по зарубежью, ослабляя былые узы, а часть меняла отношение к существовавшему на родине режиму, считая его утвердившимся прочно и надолго. В результате накануне второй мировой войны обострилась внутренняя поляризация эмиграции: небольшое ее "звено" связало свое будущее с фашизмом [14], другая группа (при наличии довольно значительного "пассивного" ядра) не приняла фашизм и в дальнейшем включилась в борьбу с ним [15].

В своем большинстве эмиграция второй волны первоначально не была осведомлена о деятельности первой. Да и ее цели, кроме декларирования необходимости борьбы с Советской властью, не отличались конкретностью. К тому же среди некоторых невозвращенцев появились иждивенческие настроения к русским, давно освоившимся за рубежом. Время от времени можно было слышать: "Вы обязаны помочь мне устроиться...". Не случайно И. А. Ильин в книге "Наши задачи" недвусмысленно "вводил" неэмигрантов в "курс дел": "Чтобы бороться, каждый эмигрант должен сначала найти себе честный заработок, не умаляющий его патриотической независимости, а потом искать для своих искренних, неподдельных и невилиющих убеждений единомышленников и соратников" [16]. Лишь при этом условии он достоин включения в политическую борьбу.

Прочитанная книга И. А. Ильина достаточно емко и многогранно освещает проблемы и политические задачи, ставившиеся перед представителями второй и третьей эмигрантских волн. При этом автор исходил из следующего обстоятельства: специфика российской политической эмиграции третьей волны заключалась не только в том, что далеко не вся диаспора была национально русской и для нерусской ее части уважение к достоинствам русской культуры не считалось традиционно обязательным (иначе трудно объяснить появление, к примеру, таких публикаций, в которых антисоветское означало антирусское), но и в том, что антисоветский потенциал значительной группы эмигрантов использовался западными спецслужбами для антисоветской работы в средствах массовой информации. "Мы видели сво-

ими глазами, - писал по этому поводу И.Р. Шафаревич, - как в эмиграции творится какой-то "новый человек", и механизм его создания отчасти становился понятен. Прибыв на Запад, новые эмигранты оказывались в шекотливой ситуации. Весь их статус, уважение других, даже самоуважение, да и более тривиальные стороны бытия: работа в журнале, на радио, в университете - все это определялось тем, что они прибыли как Борцы, Герои Сопротивления. И в то же время создавалось какое-то фальшивое положение: Сопротивление происходит в одной стране, а его Герои находятся в другой" [17].

По оценкам МИД СССР, в конце 80-х годов за рубежом проживало около 8 млн. русских (США, Канада, Франция, Бельгия, Аргентина, Парагвай, некоторые страны, недавно входившие в так называемое "социалистическое содружество") и несколько миллионов россиян других национальностей (украинцы, армяне и др.). Несколько иные данные у президента Международного русского клуба М. Бочарова. Он полагает, что в дальнем зарубежье ныне насчитывается около 30 млн. русских [18].

Национальная разнородность эмигрантской среды переплеталась с ее политической, культурной, имущественной и профессиональной неоднородностью. Ей были свойственны:

1. *Различная политическая ориентация* - от полнейшего отрицания Советской власти и ее государственного строя (НТС и др.) до легитимистских настроений и готовности сотрудничать с Советами во имя возрождения Отечества.

2. *Наличие различных слоев с точки зрения образованности, способности к восприятию и воспроизводству культуры*: от обывателей, постепенно утрачивавших национальный язык и национальное самосознание на основе адаптации в инонациональной среде и включенности в западные формы культурной жизни, до представителей культурной элиты, создавшей образцы интеллектуального труда, которые обладали как национальной, так и общечеловеческой ценностями. К числу последних относится значительная группа музыкантов, писателей, ученых.

3. *Имущественное расслоение эмиграции*. В ее среде выделялись отдельные предприниматели, обладавшие значительным капиталом и способностью оказать существенную помощь в реализации рыночных

отношений в России. Наиболее крупный капитал был представлен в армянской диаспоре и еврейской национальной среде. Основная же масса относилась, по западным меркам, к людям скромного достатка.

4. *Пестрый конфессиональный состав.* Наибольшие группы верующих были представлены православием, униатством, исламом и иудаизмом.

Большинство политических организаций второй и третьей эмиграционных волн объединились по национальному признаку (НТС, Украинский конгрессовый комитет Америки, Комитет украинцев Канады, Закордонные части ОУН и др.) и ставили своей целью развал СССР с последующим выделением из Союза суверенных национальных государств. Действовали и организации мусульманского толка. Однако большая часть эмиграции оставалась политически инертной при стремлении к сохранению элементов своей национальной самобытности, поддерживая православные храмы, проводя культурные мероприятия, издавая печатную продукцию на родном языке. Ей не были безразличны судьбы исторической Родины, и именно она составляла среди соотечественников зарубежья реальных и потенциальных друзей России.

Особенно ценным для науки представляется то обстоятельство, что в течение десятилетий русское зарубежье смогло не только сохранить, но и приумножить истинно русские культурные ценности. Многие из них лишь в последние годы вернулись к нам, ликвидируя тем самым искусственно созданную однобокость в представлениях о достоинствах русской культуры и ее общечеловеческой ценности. Возвращение отечественному читателю имен и произведений Н. Бердяева, И. Бунина, Н. Лосского, В. Набокова, А. Солженицына, В. Соловьева, Г. Федотова, И. Шмелева и других — знаменательная черта современности. Но труды этих авторов — лишь часть тех источников, которые могут открыться Отечеству в русском зарубежье.

Вот что написал в 1990 г. главный редактор "Литературной России" Э.И. Сафонов после поездки в США: "Я увидел русские колонии под Нью-Йорком, Вашингтоном, Сан-Франциско. При знакомстве я слышал имена, знакомые мне по литературе и по нашей русской жизни. Имена и дворянские, и самые простые, звучавшие и по-казачьи,

и по-солдатски, как хотите! Я увидел десятки тысяч людей, влюбленных - нет, это легкое слово! - несущих в своих душах вечную, кровную любовь к России, <...> И эти люди России при встречах заявляли: дайте нам возможность, чтобы все, что осталось у нас, не ушло в чужие руки, - попало на Родину. Мы готовы отдать все, только должна быть гарантия, что завтра это не будет сожжено на кострах" [19].

Описанное Э.И. Сафоновым содержание его бесед с представителями русской диаспоры в США лишний раз подтверждает наличие такого феномена, как "национальный патриотизм". К сожалению, в нашей науке последних десятилетий эта категория не использовалась, а если иногда и появлялась на страницах печати, то обязательно в негативной оправе, т.е. как феномен буржуазного национализма. Многие авторы полагали, что в условиях интернационализации общественных отношений нет места патриотизму национальному. А он вопреки мнению ученых, и попирая его, продолжает жить в сердцах людей. Жаль только, что "национальный патриотизм" как понятие оказался прибранным к рукам пропагандистами национализма. Поэтому следует не только восстановить подлинное, положительное, содержание этой категории, но и воспользоваться национальным патриотизмом как общественным явлением в практике общения с соотечественниками за рубежом. Он позволяет делать акцент именно на том, что нас объединяет с отечественным зарубежьем, а не на том, что мешает нашему сотрудничеству во благо России. Объединяет же в первую очередь желание видеть свою Родину (или Отечество предков) процветающей, занимающей достойное место в мировой цивилизации.

Не менее важно также, чтобы тот пласт культуры (национально окрашенный и осмысленный), который "наработан" эмиграцией, не остался безвестным в Отечестве и был включен в общую культуру своего народа, впитан ею. Ведь даже те, скажем, художественные произведения, которые сюжетно не связаны с Родиной (например, некоторые работы В. Набокова), могут и должны остаться в памяти именно как национальное достояние, поскольку любое общечеловеческое национально по своему происхождению.

А что Родина, ее культура? Они тоже и объективно, и субъективно заинтересованы в обретении материальных и духовных ценностей, которые могут быть предложены зарубежными соотечественниками. Пусть эта заинтересованность иногда внешне выглядит утилитарно меркантильной, но в ней содержится польза к обоюдному удовлетворению. Так перекрещиваются духовные связи прошлого, настоящего и будущего Родины и отечественного зарубежья*.

Конечно, определяя связи с соотечественниками за рубежом, не следует забывать, что неоднородность эмигрантских структур обуславливает неоднозначные возможности оказания ими помощи возрождающейся России. Одни из них обладают исключительно духовными ценностями, другие - материальными. Еще не изжиты в их среде опасения относительно будущих политических процессов на российской территории. Задача правительственных структур и общественности России, по нашему мнению, заключается, в частности, в создании условий, которые позволили бы хотя бы часть этих ценностей поставить на службу Отечеству. Важнейшими из них (условий) являются *деидеологизация и деполитизация* этого процесса, способные своим наличием ослабить деструктивную позицию тех слоев эмиграции, которые все еще не прочь помешать сотрудничеству Родины с ее зарубежной диаспорой.

---

* В данном случае термин "отечественное зарубежье" соотносится автором с российской эмиграцией, а не со множеством русских, оказавшихся в связи с распадом СССР в сопредельных с Россией бывших союзных республиках. Изучение этой проблемы должно стать предметом отдельного исследования.

2. ПРОБЛЕМЫ НАЦИЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ТРУДАХ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ

Одна из характерных особенностей российской пореволюционной эмиграции заключалась в том, что наряду с ностальгией по оставленному Отечеству в ее среде наблюдался процесс мучительного переосмысления своего прошлого, а с ним и философского выявления существенных характеристик русскости, принципов и содержания русской национальной идеи и национального вопроса, ставшего одним из "каменей преткновения" белого движения.

Это обстоятельство не было случайным. Ведь, как писал профессор И. А. Ильин, "личный духовный опыт философа в глубине своей связан происхождением, подобием и взаимодействием с опытом родного народа; ему удастся выработать этот опыт и мобилизовать его, осуществить и осмыслить тем легче и тем продуктивнее, чем выше и зрелее духовный опыт его народа" [20].

Большевизм воспринимался интеллектуальной группой эмигрантов как аномалия на русской почве, как стихийное бедствие. Поэтому, отмечает Н. С. Хрусталева, в сознании многих из них "не было переноса негативных психологических установок на образ родины" [21], наличие же чувства культурной общности с Россией, сопричастности с русским языком и культурой помогало жить ее духовными интересами, суть представлений о которых, конечно, расходилась с официальной позицией советского режима.

Что может ждать русскую нацию и ее духовную жизнь в России? Как отзовется на судьбах русского и других народов страны национальная политика большевиков? Сможет ли воспрянуть российская государственность в своей былой международной роли? Эти вопросы, то затухая, то вновь обостряясь, тревожили эмигрантскую общественность.

Но для того, чтобы на них ответить, предстояло дать обоснованный анализ Октябрьской революции 1917 г. и ее последствий с точки зрения "прерыва непрерывности" традиционного для России развития. Он должен был стать отправным моментом для определения эмигрантами перспектив Отечества. "Разгадать будущее России, - отмечалось в одном из получивших известность в российском зару-

бежье теоретических трудов. - для нас это означает прежде всего понять и осознать еще не вполне скрытый смысл свершившейся и совершающейся русской революции. Речь идет здесь даже не об оценке, не об объективно-историческом анализе и объяснении, а о самом первичном, живом и непосредственном восприятии этого исторического факта. <...> рассуждая о том, чего должно ждать и на что надеяться, что надо "делать" в настоящее время, чтобы приблизить время свершения наших чаяний и упований. - мы невольно и неизбежно вступаем в область пересмотра и переоценки многих привычных и обиходных ценностей" [22].

Некоторые представления о тенденциях внутренней пореволюционной эволюции РСФСР и ее "ближнего зарубежья" начала 20-х гг. давала пресса. Возможность более детального видения внутрироссийской ситуации открылась после того, как в интеллектуальную жизнь эмиграции включилась прибывшая в Европу на "философском" пароходе группа выдающихся ученых, высланных из страны большевистским правительством [23]. Но этот "единовременный" акт прозвучал в сознании эмигрантской интеллигенции набатным колоколом: он позволил ее широким слоям особенно остро ощутить, что "Россия осталась в России".

На протяжении всего первого этапа эмиграции внимание российской диаспоры к внутрисоюзным делам, воспринимавшимся как российские проблемы, не иссякало. Первые успехи в послевоенном восстановлении народного хозяйства, положительное воздействие НЭПа на стабилизацию обстановки в стране заставляли задумываться многих противников Советской власти. Среди причин наметившегося подъема выделялись и меры в области национальной политики. "Б[ольшев]ики, - писала издававшаяся в Софии газета "Новое время", - вновь попали в точку, их разреш[ение] нац[ионального] вопроса имеет большее значение, чем НЭП" [24]. Учреждение СССР воспринималось многими как восстановление целостности России. Этот акт особенно высоко был оценен некоторой частью эмиграции на фоне распавшейся на несколько государств Австро-Венгерской империи. Парижская мирная конференция, санкционировавшая этот развал, действовала с учетом государственно-правовой позиции, отраженной в трудах президента США Вудро Вильсона и в его известных "14 пунктах", оглашенных в январе 1918 г. в американском конгрессе [25].

Эмигранты опасались распространения вильсоновской концепции "каждой нации - свое государство" на Россию, тем более, что российские национал-сепаратисты настойчиво склонялись именно к такому исходу национального вопроса. "Я, - писал, в частности, 21 марта 1921 г. бывший гетман Украины генерал П.П. Скоропадский Н.М. Могилянскому, - стою за самостоятельную Украину, потому что только ясно и определенно поставленный лозунг может спасти Украину от большевистского ига <...>. Скажу Вам откровенно, не желая отнюдь быть резким, что будучи украинцем и в тот момент, когда Украина находится в борьбе за свое право на жизнь и не имеет ниоткуда поддержки, говорить о федерации с Великороссией, которая не существует и имеет значительно меньше шансов существовать в данное время как народ, живущий действительно своей жизнью, своим умом и т.д., это толкать свой родной край в пропасть, от которой его можно было удержать, и потому эту точку зрения я нахожу лишней моральной подкладкой" [26]. Идея сепаратизма разделялась многими национальными группами российской диаспоры и не могла не тревожить ее русскую часть.

Видимые успехи установившегося в России политического режима стимулировали появление в эмигрантской среде стремления ближе и с возможной долей непредвзятости осмыслить происходившее в РСФСР. В начале 20-х годов эмигрантами создается Институт изучения России и Экономический кабинет С.Н. Прокоповича, издававший сначала "Экономический вестник", а затем "Русский экономический сборник". Прокопович вел активную переписку с советскими издателями, акционерным обществом "Международная книга" и Главпочтамтом Москвы о регулярной пересылке советской периодики. В результате к 1929 г. Кабинет стал получать из России 24 журнала и 46 газет. На основе их материалов регулярно составлялись обзоры, становившиеся для эмигрантов чуть ли не единственным более или менее адекватным реальности источником информации о текущих событиях в СССР [27].

Официальное введение в России Новой экономической политики и ее первые видимые успехи возбудили среди части эмиграции надежды на перерождение большевистского режима. Отражением этих ожиданий стал появившийся в июле 1921 г. в Праге сборник статей под названием "Смена вех", давший название целому политическому течению. В числе авторов сборника были бывшие российские политики кадетс-

ко-октябрьского толка: Н.В. Устрялов (в прошлом приват-доцент Московского университета, заведующий агитационной частью армии адмирала Колчака и представитель Восточного отдела ЦК партии кадетов), Ю.В. Ключников (бывший приват-доцент Московского университета, министр иностранных дел в правительстве Колчака), А.В. Бобришев-Пушкин (адвокат, видный деятель октябристской партии), С.С. Лукьянов, Ю.Н. Потехин, С.С. Чахотин. В том же году основатели течения стали выпускать в Париже журнал "Смена вех" и в Берлине под редакцией Ю.В. Ключникова газету "Накануне".

Сменовеховцы считали, что поскольку большевики смогли восстановить российскую государственность, хотя и в новой форме и на иной социальной основе, с ними следует сотрудничать... во имя Великой России. Это сотрудничество необходимо с учетом ближней и отдаленной во времени перспективы, так как, по мнению Н.В. Устрялова, НЭП - это "экономический Брест большевизма", "не тактика, а эволюция, внутреннее перерождение" [28]. Большевики цементируют страну во имя мировой революции, писал он в сборнике "Смена вех", а русские патриоты - ради единой России [29]. Их сотрудничество виделось Устрялову целесообразным именно на этой базе.

Интересно, что в СССР сменовеховство было воспринято по-разному. Представители так называемой внутренней эмиграции также надеялись на вырождение коммунизма: "обуржуазивание" некоторой части совслужащих становилось достаточно очевидным. В свою очередь партия большевиков стремилась показать тщетность расчетов лидеров этого течения. В.И. Ленин расценил позицию Устрялова как "предостережение <...> со стороны буржуазии" [30]. "Сменовеховцы, - говорил он в марте 1922 г. на XI съезде РКП/б/, - выражают настроение тысяч и десятков тысяч буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики" [31]. По мнению XII Всероссийской конференции РКП/б/, "сменовеховское направление заслуживало и заслуживает положительного отношения" [32]: оно сплачивает те слои русской интеллигенции, которые "примирились" с Советской властью и готовы работать с ней ради возрождения страны [33].

В самой же эмиграции идеи "Смены вех" не были приняты столь благосклонно. К тому же их влияние вышло за рамки единовременного акта. Длительное противостояние Западной Европы Советской республике и особенно Германии - Советскому Союзу подталкивало некоторых представителей зарубежной русской интеллигенции к смене своих позиций. Под влиянием сменовеховства оказались Н.А. Бердяев, П.Н. Милюков, отчасти и генерал А.И. Деникин. Так, Милюков полагал, что внешнеполитические интересы России как национального государства и аналогичные интересы СССР не только близки по содержанию, но полностью совпадают. Деникин выступал против тех эмигрантских слоев, которые ради свержения большевизма были готовы идти на компромисс с фашистской Германией и милитаристской Японией. Свержение Советов, считал он, должно быть делом самих русских [34].

Сменовеховские настроения невольно поддержал и В.В. Шульгин. Побывав зимой 1925-1926 гг. в Ленинграде, Москве и Киеве*, он признал: "Россия встает <...>. Я ожидал увидеть умирающий русский народ, а вижу несомненное его воскресение ... " [35]. Одна из причин "воскресения" виделась Л.П. Карсавину в том, что "власть коммунистов, какой бы "философской" она ни была, испытала мощные влияния жизни. Русские интернационалисты не случайно были вынуждены искать органичные формы общественной жизни и оживлять старые традиции русских ... " [36]. Но будучи оживленными, они приобретали в СССР интернациональный и потому, как полагали некоторые эмигранты-теоретики, нерусский характер.

Состоявшийся в 1926 г. Российский Зарубежный съезд** не был единым в оценке сменовеховства, еще сохранявшего относительную популярность в некоторых слоях русской диаспоры. В частности, в представлениях С.С. Ольденбурга, отражавшего мнение правого крыла эмиграции, утратившие национальное чувство большевики выступили по отношению к России как враждебная "внешняя сила". Они упразд-

---

* В.В. Шульгин не подозревал, что его поездка по фальшивому паспорту в СССР контролировалась ОГПУ в ходе операции "Трест".

** К этому времени ряд идеологов "Смены вех" (С.Ю. Ключников, Ю.Н. Потехин, И.М. Василевский (Не-Буква) и др.) уже вернулись в СССР.

нили не только былое наименование страны, но и ее традиционную внутригосударственную структуру. Что касается пропагандировавшегося коммунистами интернационализма, то он на внутрироссийской почве свелся к искусственному взращиванию мелких народностей и культивированию их языков [37]. С.С. Ольденбургу вторил Г.П. Федотов. В одной из относящихся к 1924 г. статей он писал, что Гегемония России почти для всех своих народов была счастливой судьбой, поскольку дала им возможность приобщиться к всечеловеческой культуре, каковой являлась культура русская. "Но подрастающие дети, усыновленные нами, не хотят знать выращившей их школы и тянутся, кто куда - к Западу и к Востоку, к Польше, Турции или к интернациональному геометрическому месту - то есть к духовному небытию.

Паразитально: - отмечал он далее, - среди стольких шумных, крикливых голосов один великоросс не подает признаков жизни. Он жалуется на все: на голод, бесправие, тьму, только одного не ведает, к одному глух - к опасности, угрожающей его национальному бытию" [38]. Причину этого странного "омертвения" русских Г.П. Федотов видел в усталости народа, для нескольких поколений которого "вопросы общественной справедливости заглушали смысл национальной жизни" [39]. В дальнейшем же, как отмечал позже А.Ф. Керенский, национальное содержание русского демократического движения оказалось выхолощенным советской демократией [40].

Формирование советской культуры понималось некоторыми эмигрантами-учеными как процесс размывания ее русского национального компонента. Наблюдавшееся параллельно с развитием национальных культур нерусских народов, оно не могло, по их мнению, подогревать в России-СССР сепаратистских тенденций. Появившиеся время от времени в прессе материалы о националистических проявлениях в большевистской партии и о прямых актах борьбы с Советской властью (басмачество в республиках Средней Азии) давали основания говорить о наличии на родине центробежных движений и не могли не тревожить сторонников унитаризма. "Никто не станет отрицать угрожающего значения сепаратизмов, раздирающих тело России. - Писал по этому поводу в статье "Будет ли существовать Россия?" Г.П. Федотов. - За одиннадцать лет революции зародились, окрепли десятки

национальных сознаний в ее расслабевшем теле. Иные из них приобрели уже грозную силу. Каждый маленький народец, вчера полудикий, выделяет кадры полуинтеллигенции, которая уже гонит от себя своих русских учителей. Под кровом интернационального коммунизма в рядах самой коммунистической партии складываются кадры националистов, стремящихся разнести в куски историческое тело России" [41]. Иначе говоря, сепаратизм рассматривался как прямой результат последовательной большевистской национальной политики. Справедливость вышеприведенных слов Г.П. Федотова со всей очевидностью проявилась впоследствии в процессе развала СССР.

В свою очередь В.В. Шульгин ставил вопрос об ответственности всей русской нации за большевизм, проводивший, по его мнению, неблагоприятную для русских национальную политику. "Сущность большевизма, - утверждал он, - в бескрайности; в том, что гипнотизирующее в данное время чувство, страсть, желание или идея парализуют все остальные соображения. Поэтому человек "идет до конца", то есть до стенки; а такое направление умов в политике всегда кончается тем, что "ставят к стенке". В этом смысле мы все, русские, несем свою долю ответственности за большевизм. Ибо все мы в некоторой доле большевики, все тяготеем к бескрайности, к удовлетворению наших желаний, не считаясь с расходами. Не считаясь с тем, во сколько человеческих голов это обойдется. <...> Пока мы думаем по-большевистски, в смысле методов расправы, мы являемся соучастниками их правления и несем за их деяния свою долю ответственности" [42].

Но в рамках большевистского решения национальных проблем за эмиграцией сохранялась роль лишь главным образом зарубежного наблюдателя, толкователя и внешнеполитического раздражителя. Тот же Шульгин после принятия в СССР Конституции 1936 г. объяснял новую республиканскую структуру Советского Союза высокомерием и самолюбием Сталина: "Оперетка с переодеванием в национальные костюмы понравилась и нравится до сих пор первобытному тщеславию, к которому весьма склонен Джугашвили. Приятно быть неограниченным повелителем и одной страны, но куда величественнее стоять во главе одиннадцати государств" [43].

Солидаризируясь с трезвомыслящей критикой существовавшей на родине политической системы и возмущаясь сталинским тоталитаризмом, Н. А. Бердяев стремился выяснить причины относительной стабильности власти Советов, выявить "скрепляющие" страну символы. Он справедливо считал недостаточным для прочности полиэтничного государства наличия одного лишь сложившегося к середине 30-х годов политического режима. Размышления по этому поводу привели его к мысли о том, что создание и укрепление на советской почве союзного государства было обусловлено потребностью собирания после гражданской войны и последующего удержания многонациональной страны перед лицом угрозы ее распада. И пока эта угроза будет существовать, пока существованию России будет угрожать внешняя опасность, советская деспотия останется единственной силой, способной реально эту опасность предотвратить. Поэтому-то падение коммунистического режима может стать для российского народа столь же серьезной трагедией, сколь трагично и само его существование [44]. "Я всегда, - вспоминал он после второй мировой войны, - еще со времени моей высылки из России в 1922 году, имел международную ориентацию советскую и всякую интервенцию считал преступной. Я никогда не поклонялся силе, но силу, которая была проявлена Красной Армией в защите России, я считал провиденциальной" [45].

Политически ангажированные эмигранты, время от времени обращавшиеся к конкретным проблемам национальной политики большевистской России, были всерьез озабочены не столько содержанием ленинской концепции национального вопроса, о творческом характере которой без усталости заявлялось в советской газетно-журнальной периодике, сколько сталинскими методами ее реализации, выхолащивавшими ее суть. Н. А. Бердяев считал, что "всякое творческое притязание должно быть оправдано творческим действием, движением к более высокому качеству. И истинная национальная политика может быть лишь творческой, а не охраняющей, созидающей лучшую жизнь, а не кичащейся своей статической жизнью" [46].

С этой позицией никто не спорил. Да и в отсутствии динамизма национальной политики 20-30-х годов Советскую власть было трудно обвинять. Иное дело - содержание и характер конкретных действий по одновременному обеспечению целостности государства и свободы народов, объединенных в его рамках. В этом случае акцент

расставлялись по-разному. Одни были озабочены сохранением политико-экономического единства страны, другие - приматом интересов конкретных нерусских этносов. Так, экономисты А. П. Марков и С. Н. Прокопович выступали в печати против тезиса "каждой нации - свое государство", а бывший народный социалист В. Д. Станкевич предлагал за каждым народом, добровольно вошедшим в Россию, сохранить полную самостоятельность не только во внутренних, но и во внешне-экономических делах. Внутреннюю самостоятельность народов в объединенном государстве он считал целесообразным распространить не только на законодательную деятельность, но и на вооруженные силы [47].

Принятие первой в СССР союзной конституции и фиксация в ней централизации управления страной квалифицировались меньшевистским "Социалистическим вестником" как благо с точки зрения интересов рабочего класса, но, считал журнал, формально прогрессивное объединение страны фактически таковым не является, поскольку осуществлено отнюдь не добровольным путем. Начатая в 1926 г. этим журналом дискуссия по национальному вопросу в СССР, была подхвачена правозащитными "Современными записками". На их страницах появился цикл статей (Р. Абрамовича, М. Вернера, Н. Жордания, Н. Вишняка, Н. Тимашева и др.), многосторонне рассматривавших проблему. Если Вернер подчеркивал, что национальная программа большевиков после их прихода к власти отразила ленинскую ревизию его собственных прошлых представлений о содержании и путях решения национального вопроса и что нынешний "либеральный курс" смягчил межнациональные трения, а крутой поворот в этнокультурной политике позволил сохранить единство страны, то Вишняк, не согласившись с этим утверждением, заявил, что культурная и ограниченная бытовая автономия предоставлена народам Советами лишь в той степени, в какой "они вступают в конфликт с намерениями правящей верхушки ВКП". Жордания полагал возможным после государственного оформления национальных единиц установление между ними связи на договорных началах с последующим ограничением суверенитета каждой из них "во имя общих целей". В свою очередь Д. Чижевский считал нужным подходить к праву республик на независимость дифференцированно и не считал целесообразным Украине воспользоваться этим правом [48].

Мимо внимания эмиграции не прошли также процессы, наблюдавшиеся в так называемом "языковом строительстве" и касавшиеся "научно оформлявшейся" языковой политики Советской власти. Курс на развитие национальных языков, на разработку для неписменных народов и национальных групп алфавита сначала на латинской, а затем и на кириллической основах, в целом не встречал серьезных возражений, хотя некоторые его особенности вызывали ряд скептических замечаний по поводу носящей "зловещий" характер "искусственной выделки" украинского и белорусского "языков" из диалектов русского языка (П. М. Бицилли) [49]. С большой остороженностью были встречены эмиграцией также попытки "интернационализации" в России русской письменности путем ее латинизации.

Некоторые ведущие авторы советской лингвистической школы выступили во второй половине 20-х - начале 30-х гг. с утопической идеей "ставить проблему алфавита сразу в мировом масштабе". Известный в тот период ученый Н. Ф. Яковлев - разработчик оригинальной структурно-фонологической концепции - был убежден в том, что "на этапе строительства социализма существование в СССР русского алфавита представляет собою безусловный анахронизм - род графического барьера, разобщающий наиболее численную группу народов Союза как от революционного Востока, так и от трудовых масс и пролетариата Запада" [50]. Его доводы не учитывали тенденции к реальной интернационализации общесоюзных общественных отношений, объективно требовавшей усиления роли языка межнационального общения, каковым в тех условиях мог быть только русский язык. Не учитывали они и катастрофических последствий этого шага для тысячелетней русской культуры, будь эта "идея" реализована [51].

Наблюдение за этнолингвистическим процессом привело эмигрантскую научную элиту не только к неприятию тезиса о латинизации русской письменности, а с нею и примата западничества в процессе последующего развития русской культуры, но и к идее собственного фундаментального исследования национально-языковой культуры народов СССР. Н. С. Трубецкой и Р. О. Якобсон разработали проспект энциклопедии "Языки СССР". Предполагавшаяся книга должна была на уровне научного языкознания дать систематическое описание функционировавших в Советском Союзе языков. В ней предполагалось дать

их систематизированную характеристику, отразив, в частности, такие сферы языкознания, как формирование и история развития национальных языков, система письменности, область распространения, социальная значимость и правовое положение, отношение к соседним и мировым языкам, наличие исследовательских центров, научная библиография.

Приступив к исследованию, ученые-эмигранты вскоре обнаружили существенные трудности, преодолеть которые вне СССР было почти невозможно. Так, из 28 восточнокавказских языков 12 были столь слабо изучены, что об их научной характеристике не могло быть и речи. Работу предполагалось выполнить с помощью одного из берлинских издательств. Однако наступившая в Европе экономическая депрессия не позволила из-за отсутствия средств освоить проект. Благородная идея так и не была реализована [52].

Особое внимание эмигранты первой волны обратили на характерные особенности русской нации. Это не было случайным. Многие мыслители российского зарубежья искали причины недавнего революционного прошлого не в происках "беса", хотя об этом всерьез поговаривали в некоторых кругах диаспоры, а в самих себе, в свойствах своей нации. Самопознание русских вошло в число приоритетных задач. "Худо мерить Европу на русский аршин, - писал в этой связи Г. П. Федотов в статье "Россия, Европа и мы", - еще хуже мерить Россию на аршин Европы" [53]. Полиэтничность российской эмиграции фактом своего наличия как бы подтверждала тютчевское "у ней особенная стать" и невольно заставляла искать эту особенность, тем более, что, как отметил И. А. Ильин в "Основах христианской культуры", "у каждого народа иной и особый душевный уклад и духовно-творческий акт. И у каждого народа особая, национально зарожденная, национально выношенная и национально выстраданная культура" [54].

---

* В обсуждение проблемы включились П. Н. Милюков, Б. В. Савинков, Н. С. Трубецкой, Д. В. Философов, В. В. Ульяницкий и многие другие. См., например: Милюков П. Н. Национальный вопрос (происхождение национальности и национальный вопрос в России). Грага, 1925; Трубецкой Н. С. К проблеме русского самопознания: Собр. ст. Париж, 1927; Статьи по национальному вопросу. Варшава, 1921; и др.

В представлениях эмигрантской интеллигенции русская нация обладала суммой противоречивых качеств, которые, сосуществуя и взаимодействуя, предопределяли не только непредсказуемость ее деяний, но и действия, противоречащие ее собственным интересам. На эти свойства русской природы обращали в той или иной форме внимание Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, Н. О. Лобсковый, И. Л. Солоневич, Г. П. Федотов, С. Л. Франк, В. В. Шульгин и др. При этом в межвоенный период в своем большинстве под русским народом они разумели все три ветви восточного славянства в совокупности: русских, украинцев и белорусов. "Русским народом я считаю, - писал, в частности, В. В. Шульгин, - великороссов, малороссов и белорусов, а также и всех тех иных кровей российских граждан, которые подверглись процессу ассимиляции и считают себя русскими" [55].

Лишь немногие из тех, кто занимался этой проблемой, в дальнейшем пришли к выводу о некорректности такого подхода. "Польский, а не русский язык стал источником новых отвлеченных и научных словообразований. - Писал позже Г. П. Федотов по поводу формирования украинской нации. - Русский мог без труда понимать Шевченко, но язык Грушевского был ему непонятен, казался искусственным. <...> Но мы по-прежнему упрямо продолжали считать малороссийский язык областным наречием русского, хотя слависты всего мира, включая Российскую Академию наук, давно признали это наречие за самостоятельный язык. <...> Нации не было, но она рождалась - рождалась веками, но в ускоряющемся темпе в наши дни. 1917 год был актом ее официального рождения" [56]. Тем самым в русской эмигрантской среде стало распространяться понимание того обстоятельства, которое было официально признано учредившей УССР и БССР Советской властью, - наличия белорусской и украинской наций с соответствующими языками, культурой и государственностью.

Однако полным отрицанием большинства творчески мыслящих эмигрантов была встречена позиция редакции журнала "Вольное казачество", настаивавшей на признании русских казаков "самостоятельной нацией". Основной мотив, положенный в основу этого утверждения, заключался в том, что казачество отличается от великороссов "с самых отдаленных времен". Если у русских северян прижилось рабство, то на юге России, наоборот, "выковались воинственные,

активные, свободолюбивые, не переносящие никакого гнета, закаленные в опасностях, в бранной жизни люди". Это "отличие" казалось журналу достаточным, чтобы объявить казачество, наряду с русскими, украинцами и белорусами, четвертым равноправным членом среди восточных славян [57].

Мало того, его авторы сочли необходимым прокламировать целесообразность создания соответствующей государственности - "Республики Казакии" (Союза Вольных Казачьих земель) - на базе земель донско-кубанско-теречного региона, северного Прикаспия и южного Приуралья. Неказачье население согласно этому "проекту" подлежало оказыванию [58].

Что касается качеств русской нации, то многие связанные с этим вопросом проблемы так или иначе рассматривались через призму собственно национального и мирового значения русской культуры, чьими творцами назывался не только относительно тонкий слой интеллигенции, но и сам народ. "Национальное бытие, которое важнее, чем национальное сознание, и нормально должно предшествовать ему, - отмечал В. В. Вейдле, - предполагает совместное, хотя и иерархически расчлененное, участие всего народа в создании высших духовных ценностей. Конкретный создатель этих ценностей - личность, но личность, не оторванная от совокупности культурного слоя, в свою очередь укорененного в народе" [59]. Преданность этой культуре становилась для эмиграции критерием ее нравственности.

Правда, широта и глубина русской культуры, отрицать которые было бы глупо, раскрывались учеными-эмигрантами через противоречивость ее материальной основы, ее формирования и развития, через "сотканный" из противоречий дух народа. Отмеченный Н. А. Некрасовым феномен ("ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка-Русь!") как нельзя лучше подходил к характеристике русских и русскости, оставленной нам эмигрантами.

К числу положительных свойств они относили те качества, которые в начале века и в 30-е годы были в концентрированном виде сформулированы выступавшим в качестве журналиста английским поэтом Морисом Бэрингом, а также профессором Сорбонны Жюлем Легра и зафиксированы Н. О. Лосским в заключительной части его книги "Характер русского народа": природное изящество, гостеприимство, мягкость, любовь к детям, женственность, ловкость, ум, способ-

ность к публичной речи, любовь к пассивным удовольствиям, доброжелательность, гуманность, жалость к страдающим, широта натуры, щедрость [60].

Развивая проблему положительных качеств русскости и русских, Н. А. Бердяев писал об общечеловеческом в русской культуре: "Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т. е. национальная, индивидуально-народная и лишь в таком качестве восходящая до общечеловечности. <...> Национальное и общечеловеческое в культуре не может быть противопоставляемо. Общечеловеческое значение имеют именно вершины национального творчества. <...> Достоевский - русский гений. Национальный образ отпечатлен на всем его творчестве. Он раскрывает миру глубины русского духа. Но самый русский из русских - он и самый всечеловеческий, самый универсальный из русских. Через русскую глубину раскрывает он и глубину всемирную, всечеловеческую" [61].

Духовность, исторически свойственная Руси и русским, в представлении Бердяева, - понятие не просто многозначное и многомерное, но постоянно обогащающееся в своем содержании.

Положительный образ русского дополнялся эмигрантами также такими свойствами, как смирение, способность безропотно нести страдание, патриотизм, религиозность, искания царства правды, отсутствие узости европейского человека, бесхитрость, совестное созерцание, органическая естественность и простота, предпочтение смерти рабству*, отсутствие подражания чужому авторитету ("русский человек никогда не жил чужою мыслью. Он всегда предпочитал думать "глупо", но самостоятельно") [62]. Эти качества относились к русскому народу в целом, поскольку "люди одной национальности одним миром мазаны" [63].

Что касается отрицательных черт русских и Русскости, то и они попали в круг внимания эмиграции. Правда, первоначально именуемые Н. О. Лосским "недостатками", они определялись как оборот-

---

* И. А. Ильин приводит данные Н. Н. Головина: в 1914-1917 гг., т. е. в период первой мировой войны, из 1400000 оказавшихся в немецком плену русских 260000 (18,5%) пытались бежать из плена. Такого процента попыток освободиться из неволи не дала ни одна нация. См.: Ильин И. А. Для русских. Избранное. Смоленск, 1995, с. 69.

ная сторона положительных свойств народа, которые настолько ценны, что "перевешивают недостатки" [64]. Но именно эти негативные черты, в представлении многих эмигрантов, позволили возобладать большевизму над белым движением, ослабив сопротивляемость народа привнесенной извне идеологии марксизма: "В русской национальной стихии есть какая-то вечная опасность быть в плену, быть покорной тому, что вне ее" [65].

Отрицательные свойства русского народа, отмечал Н.О. Лосский, - "экстремизм, максимализм, требование всего или ничего, невыработанность характера, отсутствие дисциплины, дерзкое испытание ценностей, анархизм, чрезмерность критики - могут вести к изумительным, а иногда и опасным расстройством частной и общественной жизни, к преступлениям, бунтам, к нигилизму, к терроризму. Большевицкая революция есть яркое подтверждение того, до каких крайностей могут дойти русские люди в своем смелом искании новых форм жизни и безрадостном истреблении ценностей прошлого" [66]. В.В. Шульгин выделил в этой связи готовность русских к "вожачеству": "Мы из тех пород, которым нужен видимый и осязаемый вождь. <...> - Писал он. - При соответствующем вожаке русские могут быть очень сильны. Их лучшие качества складываются, будучи толкаемы в одном направлении; их нестерпимые недостатки (грызня, взаимное недоброежелательство) парализуются. Ведомые подлинным вожаком, русские могут с успехом конкурировать с другими народами во всех тех областях, где вождческая организация вообще пригодна" [67].

Обращаясь к вопросу о негативных качествах русских, достойных критики, отречения или эволюции в лучшую сторону, представители эмигрантской ученой мысли старались не только констатировать их наличие, но и объяснить их происхождение. В опубликованной еще до высылки за границу работе Н.А. Бердяев, в частности, писал: "... русская жажда абсолютной свободы на практике очень часто приводит к рабству в относительном и среднем и русская жажда абсолютной любви - к вражде и ненависти*. Для русских характерно какое-то бессилие, какая-то бездарность во всем относительном и

---

* Русская революция наглядно показала всю опасность русской абсолютности (ремарка Н.А. Бердяева. - А.Д.).

среднем. <...> Черта эта очень национально-русская. Добыть себе относительную общественную свободу русским трудно не потому только, что в русской природе есть пассивность и подавленность, но и потому, что русский дух жаждет абсолютной Божественной свободы" [68]. И далее: "Необъятные пространства России тяжелым гнетом легли на душу русского народа. Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безграничность не освобождает, а порабощает ее. <...> Широкий русский человек, широк как русская земля, как русские поля. Славянский хаос бушует в нем. Огромность русских пространств не способствовала выработке в русском человеке самодисциплины и самостоятельности, - он расплывался в пространстве" [69].

В эмигрантские годы ему вторили многие и в их числе В.В. Шульгин. Подчеркивая наличие в русской среде "разъединяющего начала", в качестве причины время от времени встречающегося взаимного отталкивания русских он выделял "географически-провиденциальный" фактор, когда огромные девственные и полудикие пространства позволяли "легко отрываться от насиженных мест" и бежать "неуживчику" на бесчисленные "украины - южные, северные и восточные" [70].

В другой работе, написанной в эмигрантские годы, Н.А. Бердяев возвращается к этой проблеме, отмечая необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов, что отразилось в "строении русской души". "Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта. На Западе тесно, все ограничено, все оформлено и распределено по категориям... <...>. Можно было бы сказать, что русский народ пал жертвой необъятности своей земли, своей природной стихийности" [71].

Но не все думали таким образом. И.А. Ильин широту и бескрайность российских просторов воспринимал как фактор, благотворно повлиявший на некоторые качества русской нации. "... Просторы эти, - писал он в работе "О России", - раскрыли Наши души и дали им ширину, вольность и легкость, каких нет у других народов. Русскому духу присуща духовная свобода, внутренняя ширь, осязание неизведанных, небывалых возможностей. Мы родимся в этой внутрен-

ней свободе, мы дышим ею, мы от природы несем ее в себе, - и все ее дары, и все ее опасности: и дары ее - способность из глубины творить, беззаветно любить и гореть в молитве; и опасности ее - тягу к безвластью, незаконию, произволу и замешательству ... " [72]. Иначе говоря, и в данном случае положительное оказалось способным обернуться для его обладателей отрицательным образом. Тем более, что, как отмечал далее автор этого тезиса, "не разрешена еще проблема русского национального характера; ибо доселе он колеблется между слабохарактерностью и высшим героизмом" [73]. Свойственные русским "богатая, тонкая, подвижная и страстная жизнь чувства", природная доброта, жертвенность и грезы о справедливости породили в них "наивные мечты о преждевременном и непосильном братстве всех народов (выделено мною. - А. Д.)..." [74].

Последнее высказывание оказалось пророческим: жертвенный для русских интернационализм обернулся для них после развала СССР катастрофической неблагодарностью. И не случайно. Отмеченная Л. П. Карсавиным их склонность к пониманию идеала "абсолютным образом" и доведению его "до крайних пределов" [75], составлявшая смысл русского максимализма, была использована без ущерба для себя национальной элитой бывших союзных республик: возмещение колоссальных расходов России на их развитие за годы Советской власти так и не состоялось, хотя и предполагалось, что долг платежом красен.

Да простит мне читатель столь пространную цитацию. Она как нельзя лучше свидетельствует о той озабоченности, которая ощущалась у эмигрантов в желании выявить причины оказавшихся видимыми как бы со стороны отрицательных черт той этнонациональной целостности, которая именовалась в те годы русскими. Как же предлагалось поступать русским эмигрантам в этой ситуации? Акцентируя внимание на положительном и развивая его, рекомендовалось попытаться избыть негативное. То, что с позиций сегодняшнего дня выглядит до обыденности тривиально, в условиях эмиграции было приподнято-обязательным: "Родину надо любить всем сердцем своим, но не идолопоклонничать перед ней. Ей надо служить, но не до бесчувствия. Совесть свою нельзя отдавать и ради родины; ниже - ради "нации", "народа", "расы" и тому подобных понятий. <...> То, что кажется тебе подлым, не совершай и во имя родины" [76]. Этот призыв выглядел весьма своевременным, поскольку, во-первых, вскоре

после своего появления за рубежом русские эмигранты стали "рассасываться" по странам нескольких континентов и возникла угроза их ассимиляции, и, во-вторых, в "угаре" продолжавшейся войны эмигрантов-политиков против существовавшей в СССР власти в некоторых их кругах зрела реализованная впоследствии идея сотрудничества с германским фашизмом.

Любовь к покинутой родине оставалась в числе приоритетных задач светского и религиозного воспитания. На это обстоятельство обратил внимание состоявшийся 6-9 июля 1929 г. в Праге съезд по проблемам русской молодежи за рубежом [77]. В докладах В.В. Зеньковского ("Задачи и средства воспитания", "Духовный облик современной молодежи") и Н.А. Чернышева ("Русское национальное воспитание и познание России"), в выступлениях участников съезда идея "воспитания в любви и преданности России" была доминирующей. Влияние инациональной культуры, в обстановке которой приходилось расти русскому ребенку, вело к тому, что дети незаметно для себя поддавались ее воздействию, а порой и очарованию. Так формировался отрыв от родины. В.В. Зеньковский справедливо считал, что у детей вне родины "происходит не одна только потеря языка, а более глубокий и подчас непоправимый отрыв от национальной стихии, от далекой русской жизни, от русской культуры, которая уже не окружает ребенка своими неуловимыми, но всеохватывающими излучениями" [78].

Выступая в качестве докладчика, Н.А. Чернышов счел нужным обратить внимание на некоторую расплывчатость понимания тезиса о "русском национальном воспитании". Воспитание любви и преданности к России - бесспорная необходимость, подчеркивал он. Но "воспитание всех граждан Русского государства в великорусском духе - вопрос спорный. Русское национальное воспитание не совпадает с великорусским. Оно значительно шире, чем воспитание на материнском языке каждого из трех русских племен". Великороссы проявили при создании России больше инициативы и творческой силы, и потому их преобладающая роль "вполне законна". Но она не может не учитывать "экономического и культурного прогресса других племен и народов". При этом "национальное воспитание могло бы даваться на великом русском языке, являющемся единственным связующим звеном между всеми народностями" [79].

Участники съезда считали также, что воспитание не может быть связано с партийностью. Что касается православия, то воспитание в его духе, полагали некоторые из них, не следует увязывать с национальным воспитанием, хотя, конечно, религия и религиозный быт - это "прочная скрепа, связующая людей". Беда в том, что православие переживает кризис, и за границей отсутствует православный быт. Помня старое и творя новое, следует развивать у молодежи "чувство ответственности за судьбу родной страны и готовность жертвенно служить ей, чтобы вековые усилия поколений не оказались бесплодно затраченными". Таковым был вывод доклада, содержание которого поддержала значительная часть делегатов.

Высказанные в прениях частности касались прежде всего проблемы места религии в воспитательной системе. Борьба мнений отразилась в следующих высказываниях: "Русская культура всегда была связана с православием", поэтому разрыв между национальным воспитанием и воспитанием в православном духе недопустим. "Церковь - это палладиум нации" (С.Г. Пушкарев); "Нужно по возможности воссоздать русский быт" (Д.М. Сокольников); "Опасна еще одна сторона в вопросе национального воспитания. Это окрашивание его исключительно в православный цвет" (Н.И. Астров); "Умолчание о связи русской культуры с православием будет извращением истории, но такое указание не имеет ничего общего с давлением на иные религиозные учения" (Н.А. Цуриков); "Национальная идея без религиозной пуста. Воссоздание быта, если оно искусственно, не реально" (В.В. Зеньковский); "Надо утвердить термин не русская, а российская культура" (П.Д. Долгоруков) и др. [80].

Таким образом, забота о русско-российском воспитании молодого поколения русской диаспоры за рубежом - "обломков, выброшенных бурей за пределы России" - предполагала перспективу сохранения в ее среде русской духовности во имя будущего родины: "... отношение к России - отношение части к целому. - Говорил В.А. Мякотин, выступая в 1926 г. в Париже. - Мы, эмигранты, живем для России, и для нее обязаны жить, пока остаемся в эмиграции" [81].

И еще одна проблема стала предметом обсуждения в эмигрантских кругах. Ее изучение стимулировалось рядом обстоятельств революционного и пореволюционного процесса в Советской России, с одной стороны, и влиянием этнического фактора в эмигрантской сре-

де, с другой. И в самой России, и в российской диаспоре, в 20-е годы обсуждался на уровне обыденного сознания вопрос о месте и ответственности евреев за начавшийся в 1917 г. социальный эксперимент. "Да, разливаётся антисемитизм по России широким потоком. - Писал по этому поводу в своем дневнике ставший эмигрантом "невозвращенец" Иосиф Литвинов. - <...> Забудется коммунизм. Многие ярые коммунисты станут спекулянтами. Но долго будет жить в сердцах русских вражда к евреям, которых русские считают виноватыми в разрухе коммунистической и в спекуляции "нэповской". Кутежи спекулянтов и расстрелы чекистов будет поминать русский люд, и винить он будет во многом, если не во всем, евреев. <...> Такие преступления не скоро прощаются. И несчастным евреям придётся платить и за своих комиссаров, и за своих спекулянтов" [82].

Такого рода размышления оказались популярными в политически и социально неоднородной эмигрантской среде. Время от времени они выливались в откровенные конфликты и личные неприязненные отношения. Поэтому стремление эмигрантов-евреев отмежеваться от деятельности революционеров-большевиков и придать обсуждению этого болезненного вопроса публичный и корректный характер выглядело вполне естественным. Инициативу взяла на себя группа известных публицистов (И. М. Бикерман, Г. А. Ландау, И. О. Левин, Д. О. Линский, В. С. Мандель, Д. С. Пасманик), опубликовавших в 1923 г. в Берлине сборник статей "Россия и евреи".

Доминирующее настроение этого издания - сожаление по поводу активной роли евреев в большевистской революции. В обращении под названием "Россия и евреи. К евреям всех стран!" подчеркивалось, что разрушение "величайшего в мире государства" не пощадило и русских евреев, для которых наступила полоса "второго рассеяния". "Добрая половина русского еврейства вошла в состав отделившихся от России новых государств. <...> В отличие, однако, от прежнего, когда на всем широком просторе единой России еврейский народ, окруженный одной и той же культурой, оставался единым, теперь каждая горсточка евреев вынуждена считаться со своим особым окружением, <...> компактная масса русского еврейства дробится. <...> И еще бедствие, может быть всех горше. Непомерно рьяное участие евреев-большевиков в угнетении и разрушении России - грех, который в себе самом носит уже возмездие, ибо какое может быть больше

несчастье для народа, чем видеть своих сынов беспутными. - не только вменяется нам в вину, но и толкуется как проявление нашей силы, как еврейское засилье. Советская власть отождествляется с еврейской властью, а люта я ненависть к большевикам обращается в такую же ненависть к нам" [83].

Отмеченная в обращении тенденция нашла осуждение во всех статьях сборника, "Мы сеем бури и ураганы, - отмечал, в частности, И. М. Бикерман, - и хотим, чтобы нас ласкали нежные зефиры. Ничего, кроме бедствий, такая слепая, попросту глупая, притязательность принести не может". [84].

Поднятый авторами сборника вопрос стал предметом обсуждения на протяжении нескольких лет. Наконец, он был переведен в плоскость открытой дискуссии, состоявшейся в Париже 27 мая 1928 г. Через два дня после нее в газете "Последние новости" (Париж) появилась статья С. Литовцева под заголовком "Диспут об антисемитизме". Известный по дебатам в Государственной Думе публицист предлагал публично обсудить вопрос о русско-еврейских отношениях. Эта проблема, отмечал он, приобрела в начале 20-х годов прямо-таки болезненный характер, вылившись в своего рода "белую горячку". К настоящему времени спор приутих, но "мечи не перекованы на орала". И чтобы обсуждение подействовало оздоравливающе, следовало бы привлечь к спору нескольких честных людей, способных без лукавства сказать: "Мне не нравится в евреях то-то и то-то...". В свою очередь, евреи могли бы сказать откровенно, что им не нравится в русских.

Сложившаяся далее ситуация напоминала некрасовское: "порвалась цепь великая, порвалась и ударила, одним концом по барину, другим по мужику", [85]. Взаимные обвинения в наличии у каждого народа, чьи представители вступили в дискуссию, отрицательных черт, в конечном счете, свелись к проблеме: кто может претендовать на роль пастыря русского народа, кто способен вывести его из трясины, в которую завела его революция?

Наиболее полно взгляды противников участия евреев в делах российского государства выразил В. В. Шульгин в книге "Что нам в них не нравится... Об антисемитизме в России". "Я отдаю евреям все должное." - писал В. В. Шульгин, опоздавший по ряду причин на майский диспут 1928 г. "Народ этот обладает самыми различными

способностями; во многих отношениях достоин всяческого подражания - хотя бы в том отношении, что евреи искренно любят друг друга; народ этот обладает огромной волей и удивительной выносливостью; его природе свойственна великая трудоспособность, ненасытная любовь к деятельности; нервная сила его необычайна, и в этом отношении он превосходит, кажется, все другие народы" [86]. Но в "Пастыри Добрые", его не следует брать из-за некоторых отрицательных черт характера и порочности для России марксизма [87].

Правда, не все участники дискуссии были столь категоричны. Некоторые предлагали подойти к ее теме с научных позиций. И тогда станет ясно, что проблема национального характера, а именно она выдвигалась антисемитами на первый план, не так уж проста. Исследуя столь сложный вопрос, отмечал Н.С. Трубецкой, нельзя исходить из огульного предположения о расовой обусловленности (наследственности) всех черт характера каждой конкретной нации, также как нельзя забывать о способности народов к обусловленному жизненными обстоятельствами благоприобретению некоторых психических свойств [88].

Конечно, участники подобного рода обсуждений не могли обойти вниманием комплекс вопросов, связанных с содержанием понятий "нация"; "народ", "национальный характер", "национальная психология" "национализм", "интернационализм" и др. Это был ответ на попытки упрощенного и спекулятивного использования научной терминологии, бытовавшие в эмигрантских кругах под воздействием устаревших теорий социальной среды и сохранявшего свое влияние русского славянофильства. Правда, научность, по мнению Н.А. Бердяева, не являлась ни единственным, ни последним критерием истинности, поскольку знание не может ни уничтожить, ни заменить веру: "знание принудительно, вера - свободна" [89]. Однако она могла и должна была послужить исходной базой рассуждений и деяний политиков, коль скоро они были заинтересованы не в словопрениях, а в реальных результатах своих конкретных действий.

В числе ученых, решивших выступить со своей интерпретацией национальных проблем, были корифеи русской эмигрантской философско-социологической мысли Н.А. Бердяев, П.А. Сорокин, С.Н. Булгаков. Н.А. Бердяев еще до эмиграции достаточно подробно изложил

свое видение национальных проблем в сборнике статей "Судьба России". Он сводил национальность к индивидуальному бытию, заложенному в глубинах человеческой жизни. Входя в человеческое общество как национальная индивидуальность, отдельная личность участвует в борьбе национальностей и их культур; как и всякое индивидуальное бытие, национальность - таинственна, мистична, иррациональна. Индивидуален и национален в конце концов лишь дух жизни, развитие которого представляет собой "движение вверх, движение всечеловеческое в своей национальной особенности" [90].

В вышедшей через двадцать лет статье "О современном национализме" Бердяев развил ряд положений названной книги. Появление своей новой публикации он мотивировал необходимостью борьбы с охватившей весь мир эпидемией национализма. Преодоление этого зла - первый долг "христианина, не потерявшего совесть". Обратившись к дефинициям проблемы, он квалифицировал категорию "народ" как природную историческую общность, в которой осуществляется судьба человеческой личности. Ему свойственны общий труд и историческая преемственность. Он не является сувереном, и природа его человеческая, а не этатистская. Лишенная оригинальности и своеобразия народной жизни, личность связана с волей к экспансии и власти, к мировому могуществу, что совсем не обязательно свойственно народу. Национализм же выступает в качестве прикрытой формы эгоцентризма, гордости и самомнения, чванства и бахвальства. Он "неразрывно связан с культом могущества государства", "он этатичен и милитаристичен и потому лишен всякой национальной оригинальности". Будучи порождением не народа, а безликой массы, он как "условная ложь" и "культурное одичание" "представляет собой величайшую опасность для самого существования европейской культуры". Ему противостоит интернационализм, являющийся превращением истинной идеи универсализма. "Несмотря на заключающуюся в нем правду об единстве человечества", он фактически оказался невозможным, поскольку волею своих носителей "превратился в условную риторику", в отвратительную "карикатуру на вселенность", истребляющую Россию [91].

К этому же вопросу обращался социолог П. А. Сорокин. Отмечая недостатки предшествовавших исследований наций (1) отсутствие определения категорий "нация", "национальный характер"; 2) игнори-

рование глубоких различий между "атомарным" собранием индивидов и "единными социо-культурными системами"; 3) сведение нации к фрагменту "поведения" сравнимаемых ее отдельных членов], он характеризовал нацию как солидарную, организованную, полузакрытую социально-культурную группу с многосторонними (многофункциональными) связями, сознающую свое единство и существование. Она состоит из индивидуумов, которые: а) являются гражданами одного государства; б) имеют общий (или сходный) язык и как следствие прошлой истории - общие культурные ценности; в) обладают общей территорией проживания. "Только когда какая-либо группа лиц принадлежит к одному государству, одному языку и одной территориальной группе, эти люди действительно составляют нацию. Нация - это социальная организация с многосторонними связями, объединенная сращением государственных, этнических и территориальных связей" [92].

Под русской же нацией П. А. Сорокин понимал триединство "основных ветвей русского народа - великороссов, украинцев и белорусов" "плюс "русифицированные" или ассимилированные этнические группы, входившие в дореволюционную Российскую империю и входящие теперь в Советский Союз". Время ее формирования он отнес к IX веку, т. е. к появлению Киевской Руси, подчеркнув при этом, что такое долголетие проявляют лишь немногие существующие национальные государства [93].

В отличие от социологов, С. Н. Булгаков подошел к проблемам нации с религиозных позиций. Принцип национальности, считал он, коренится в "трехчастном строении человека", состоящего из духа, души и тела. Национальность существует в сочленении с семьей и другими "многоединствами родовой жизни". Нации как многоединство "возникают, смешиваются, умирают, амальгамируются". Поэтому "идея чистой нации есть одна из утопий, фальшивых ценностей, которые облазняют человечество" [94].

Будучи исторически обусловленным состоянием и обладая способностью расширяться до пределов мировой империи с национальным синкретизмом (и до общечеловеческого сознания), нация "все время изменяется, переплавляется, расширяется, сужается, живет в нас". Она - душевно-телесное начало в человеке. Выше нации - Бог, и единение в Боге - выше национального единства. Не случайно духовная соборность объемлет все народы. "Только национальное есть

и вселенское, и только во вселенском существует национальное". "Во Христе получают для себя ответ все вопросы, в частности, и национальный. Национальность есть в нас и страсть, и бремя, и судьба, и долг, и дар, и призвание, и жизнь. Ей должна быть являема верность, к ней должна быть хранима любовь, но она нуждается в воспитании, просветлении, преобразовании". Вот почему духовная аскеза призвана "обуздывать буйство национальных страстей" [95].

Не все эмигранты - политики и политологи - с одинаковым пиететом отнеслись к мнению выдающихся ученых своей среды. Тем более, что проблема национально-религиозного идеала рассматривалась также в трудах представителей теологии, выпускавших "Церковные ведомости" (Сремски Карловици), "Вестник русского христианского движения" (Париж, Нью-Йорк), "Церковный вестник Западно-Европейской епархии" (Париж) и другие издания.

Между тем национальные процессы, развивавшиеся в Советском Союзе, по-прежнему будоражили эмигрантское общественное мнение. Меньшевистские издания время от времени давали собственную оценку Конституций СССР 1924 и 1936 гг., считая необходимым и впредь, т.е. после освобождения от большевизма, сохранить зафиксированные в советском Основном законе положения о правовом равноправии наций. В то же время они не скрывали опасений, связанных с грузинским, украинским и другими сепаратистскими проявлениями, чреватými при определенном стечении обстоятельств развалом России.

Капитал, с которым можно будет затем отправиться на родину во имя ее возрождения, должен был включать в себя "национальное чувство, которым <...> живет вся Россия минус партия - даже не партия, а головка подпольщиков", и восстановление религиозных чувств в духовной элите. Впрочем, и препятствий этому процессу виделось немало. Среди них сопротивление тех народов России, которые "ставят или поставят своей целью отделение от нее" [96]. Правда, у Г.П. Федотова вызвало недовольство то обстоятельство, что Советы взяли на вооружение патриотизм, питаемый русской культурой и русскими национальными традициями. "Вещь неслыханная, невозможная вчера: в СССР "родина" объявлена священным словом. - Писал он в 1935 г. в статье "Новый идол". - Родина склоняется во всех падежах, комсомольцы учатся патриотизму по классическим прописям; то есть прежде всего национальной гордости. <...> Нельзя

думать, что все это пишется и говорится по заказу. Естественнее предполагать, что власть только открыла шлюзы, долго сдерживавшие поток бурной национальной стихии" [97]. Изменения, происходящие в России, писал он далее, должны стимулировать развитие политической практики в эмиграции: "... политика здесь нам еще не дана как непосредственное народное дело, но лишь как предмет изучения, подготовки, воспитания". Главное же, что "может быть выполнено здесь, а не там, это - поднять упавшую нить русской культуры, ибо в этой сфере познание есть творчество" [98]. Помощь в возрождении национального самосознания в покинутой родине позволит воскресить ее к духовной национальной жизни [99].

Характеризуя реакцию российской эмиграции на внутрисоюзные национальные процессы, следует иметь в виду, что оказавшиеся волею судеб вне родины ученые и политики не смогли подняться выше классово-политических антипатий, избежать политизации оценок происходивших в СССР перемен. Им было трудно уйти от субъективизма и политических пристрастий, а недостаточно разработанный научный инструментарий усложнял объективный анализ перспектив России, хотя и не остановил научную мысль.

Лишь во второй половине 30-х годов, когда неизбежность германо-советского военного столкновения стала все более очевидной, в эмигрантской среде сформировалось движение оборонцев под лозунгом: "Ни белые, ни красные, но русские!" Его цель заключалась в том, чтобы поднять общественность русской диаспоры на защиту Советской России вне классового содержания ее власти.

3. ЕВРАЗИЙСТВО - ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ИДЕОЛОГИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Начавшийся в 1920-е годы процесс объединения советских республик предвещал восстановление единого государства в границах, практически совпадавших с рубежами прежней империи. Тенденция к воссоединению свидетельствовала, что даже радикальная смена политического режима и классовой структуры не повлияла коренным образом на сложившийся между Балтикой и Тихим океаном симбиоз наций

и народностей. Следовательно, на евроазиатском пространстве действовали некие силы, для которых интересы классов или политика правительств служили лишь субъективным выражением объективных закономерностей. Выявлению и анализу этих закономерностей, должных определить своеобразие развития русской нации, родственных и близких народов, была в значительной степени посвящена деятельность группы ученых и философов, разработавших в первое пореволюционное десятилетие доктрину евразийства.

Источком этого явления относятся к столетнему спору западников и славянофилов, основополагающие идеи которых были сформулированы накануне мировой войны (см. свидетельство Н.С.Трубецкого в книге "Европа и человечество"), но именно катастрофические перемены 1914-1920 гг., непосредственно затронувшие все социальные слои, целые народы и государства, позволили сложиться умственному течению, стремившемуся осмыслить российскую историю в глобальном контексте и предопределить будущее развитие русской нации. "Евразийцы - это представители нового начала в мышлении и жизни, это - группа деятелей, работающих на основе нового отношения к коренным, определяющим жизнь вопросам, отношения, вытекающего из всего, что пережито за последнее десятилетие, над радикальным преобразованием господствовавших доселе мировоззрения и жизненного строя" [100]. Так характеризовал в 1925 г. новую доктрину один из ее основоположников - экономист П.Н.Савицкий.

Условной датой ее "рождения" принято считать 1921 г., когда четверо молодых эмигрантов выпустили в Болгарии программный сборник "Исход к Востоку", включавший статьи: П. Савицкого, П. Сувчинского, кн. Н. Трубецкого и Г. Флоровского. В манифесте-предисловии авторы книги [101] выступили против европоцентризма, который привел, по их мнению, к катастрофе, поскольку, игнорируя специфику национального развития, навязывал миру модели и ценности нескольких экономически и политически лидирующих наций Западной Европы (так называемых "романогерманцев"). "Мы не верим, - заявляли они, - чтобы существовали народы, предназначенные навеки быть избранными носителями культуры, мы отрицаем возможность "последних слов" и окончательных синтезов. История не есть для нас уверенное восхождение к некой доисторически предначертанной абсолютной цели, но свободная и творческая импровизация, каждый

момент которой исполнен не какого-либо задуманного в общем плане, но своего значения..."[102].

Следует сразу отметить, что в основе доктрины евразийства лежал научный опыт ряда этнологов, историков, лингвистов. В этом отношении отчетливый отказ от европоцентризма был выражением объективной закономерности самопознания человечества. В то же время в евразийстве было очевидно и возвращение к романтическому пониманию нации как самоценности с неповторимым обликом и судьбой, а декларативный отказ от predetermined западным образцом пути развития цивилизации свидетельствовал о своеобразной "инфекции" большевизма - об известном волюнтаризме основателей евразийства, о претензиях не только на осмысление истории, но и на управление событиями. Немаловажен в рождении евразийства и компенсаторный момент - учение было внутренне ориентировано на избавление от ряда социально-психологических комплексов, порожденных политическим и моральным крахом России. Не случайно В.В.Вейдле, один из последовательных оппонентов евразийства, заметил позднее, что основатели его "...живые были умы, но руководились не разумом, а сложным (но немного и смешным) рессентиментом*. Кое-что верно заметили, но, пять-шесть елей насчитав, сосновый бор объявили начисто еловым"- [103].

Исходная позиция получила развитие в следующих тезисах: 1) "Мы чтим прошлое и настоящее западноевропейской культуры, но не ее мы видим в будущем". Именно России предстоит раскрыть "миру некую общечеловеческую правду, как раскрывали ее величайшие народы прошлого и настоящего <...>. Смена западноевропейскому миру придет с Востока... [104]; 2) размышления о грядущих судьбах России должны опираться на "самостоятельную ценность русской национальной стихии", поскольку "вообще невозможно определить раз навсегда содержание будущей русской жизни"; 3) правда, которую Россия раскрывает миру своей революцией, есть "отвержение социализма и утверждение Церкви <...>. В исторических сбываниях большевизм приходит к отрицанию самого себя и в нем самом становится на оче-

---

* Ressentiment (фр.) - буквально: злопамятство, злоба. В более широком смысле: агрессивная нетерпимость к иному, отторжение чужого.

редь жизненное преодоление социализма"; 4) "В делах мирских настроение наше есть настроение национализма. <...> свой национализм мы обращаем, как к субъекту, не только к "славянам", но к целому кругу народов "евразийского" мира, между которыми народ российский занимает срединное положение. Такое приобщение целого круга восточноевропейских и азиатских народов к мыслимой сфере мировой культуры Российской вытекает <...> в одинаковой мере из сокровенного "сродства душ", делающего русскую культуру понятной и близкой этим народам и, обратно, определяющего плодотворность их участия в русском деле, - и из общности экономического интереса, из хозяйственной взаимообращенности этих народов..." [105]. Русские и живущие рядом с ними народы "Российского мира", заключают авторы "Предисловия", не являются ни европейцами, ни азиатами. Они - евроазицы.

Основное содержание этих отправных тезисов раскрывалось далее в статьях П.Н. Савицкого ("Поворот к Востоку" и "Миграция культуры") и Н.С. Трубецкого ("Об истинном и ложном национализме" и "Верхи и низы русской культуры (Этническая база русской культуры)"). П.Н. Савицкий предложил свой анализ процесса перемещения центра формирования передовой культуры с Запада на Восток. Н.С. Трубецкой выступил против слепого подражания европейским культурным традициям, положив в основу "искреннего национализма" два требования - "познай самого себя" и, познав, "оставайся самим собой". Поскольку самопознание возможно только на основе сравнения, Трубецкой дал характеристику прежде всего романогерманцев и их отношения к своей культуре. "У романогерманцев, - по его мнению, - это отношение определяется особой психологией, которую можно назвать эгоцентрической. Для человека подобного типа "его семья, его сословие, его племя, его раса - лучше всех остальных". Таким образом предопределяется оценка своего и чужого наследия, когда эталоном считается лишь та культура, ю которой принадлежит сам оценивающий субъект, или в лучшем случае культура, формировавшаяся под воздействием различных романогерманских народов. Первый случай, в соответствии с логикой Трубецкого, демонстрирует узкий шовинизм, второй - своеобразный "общероманогерманский шовинизм". Не случайно романогерманцы, по словам ученого, были всегда наивно уверены, что только они - люди, и называли свой народ "че-

рочеством", свою культуру - "общечеловеческой цивилизацией", а свой шовинизм - "космополитизмом" [106].

Другие народы, принявшие западноевропейскую цивилизацию, полагал Трубецкой, поддались обаянию ложных понятий "общечеловеческая цивилизация" и "космополитизм", тогда как их действительное содержание отражает представления только самих романогерманцев [107]. Долг нероманогерманцев - преодоление культурной и психологической зависимости, самозащита от обмана идей "общечеловеческой цивилизации" и в конечном счете - самопознание и утверждение национального своеобразия: "только достигнув самобытности, основанной на самопознании, человек и народ может быть уверен в том, что действительно осуществляет свое назначение на Земле, что действительно является тем, чем и для чего был создан" [108].

Для евразийца самобытность русского народа, с этнографической точки зрения, - величина особая. Она не может быть включена в любую иную, более широкую культурную зону, поскольку формирует свой самостоятельный ареал, объединяющий угро-финнов и волжско-тюркские народы, славян и "туранский" Восток. При этом невозможно категорически определить, чье влияние в таком культурном конгломерате существеннее и сильнее.

Так закладывалась идеология евразийства.

Статьи Н. С. Трубецкого, предтечей которых была его же опубликованная в Софии в 1920 г. книга "Европа и человечество", касались прежде всего этнокультурного и этнографического аспектов евразийского учения. Экономико-географические проблемы ставились Савицким ("Континент - Океан (Россия и мировой рынок)"), культурологические и религиозные - Флоровским ("Разрывы и связи", "Хитрость разума" и "О народах неисторических (Страна отцов и Страна детей)"). Флоровский интерпретировал Россию как в высшей степени сложную историческую формацию. "Не трудно различить в русском бытие, - писал он, - разнородные слои - варяжский, византийский, славянский, татарский, финский, польский, московский, "санкт-петербургский" и прочие, и не трудно возвести эти осадочные образования к определенным причинно-действиям". Для евразийца подобная многослойность не только не служит препятствием к целостности, но, напротив, свидетельствует об органичности и самодостаточности противостоящего западноевропейской общности этнокультурного

единства Евразии. Антитеза народов "исторических" (старых, претерпевших длинные ряды исторических превращений) и "неисторических" ("новых", "девственных") рассматривалась как многообещающая именно для русских: сама "географическая физиология" России должна свидетельствовать о ее мощи и силе, о "неутомимости" ее народа, предвещая будущее, которое сторицей вознаградит страну за отсутствие прошлого [109].

Первый сборник статей евразийцев сразу же обратил на себя внимание русской эмиграции. Вскоре появилось еще несколько подобных изданий*, содержащих сочинения членов целого ряда кружков в Праге, Берлине и Белграде. Один из них (пражский) вскоре превратился в Евразийский семинар. В 1926 г. в Париже было учреждено Евразийское книгоиздательство.

Довольно быстро к обсуждению евроазиатских проблем подключились новые интеллектуальные силы: юрист и политолог Н. Н. Алексеев, историк и филолог П. М. Бицилли, историк Г. В. Вернадский, философы Л. П. Карсавин и С. Л. Франк. Некоторые из них выступили со статьями и монографическими работами. Особенно плодотворными в этом отношении были 1927-1929 годы, когда появились книги Г. В. Вернадского "Начертание русской истории". Ч. 1. С приложением "Геополитических заметок по русской истории" П. Н. Савицкого (Прага, 1927), преподавателя Пражского (Карлова) университета доктора философии Н. П. Толля "Скифы и гунны. Из истории кочевого мира" (Прага, 1928), ученого-калмыка доктора Э. Х. Давана "Чингис-Хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIV веков" (Белград, 1929), П. Н. Молевского-Молевича "Новая партия в России" (Лондон, 1928). За короткий

---

* См.: "На путях. Утверждение евразийцев", кн. 2-я (Берлин, 1922); "Евразийский временник", кн. 3-я (Берлин, 1923); "Россия и латинство" (Берлин, 1923); "Евразийский временник", кн. 4-я (Берлин, 1925) и 5-я (Париж, 1927); "Евразийский сборник", кн. 5-я (Прага, 1929); "Английский евразиец. Воскресающая Россия. Сводка взглядов и целей новой партии в России" (Лондон, 1928), а также двенадцать выпусков "Евразийской хроники" (1925-1937). П. Н. Савицкий издал книги "Географические особенности России" (Прага, 1927) и "О задачах кочевниковедения" (Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?) (Прага, 1928). Н. С. Трубецкой в то же время опубликовал в Париже собрание своих статей под названием "К проблеме русского самопознания" (1927).

срок несколько работ выпустил Н.Н. Алексеев: "На путях к будущей России (Советский строй и его политические возможности)" (Париж, 1927), "Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства" (Париж, 1928), "Теория государства. Теоретическое государствоведение. Государственное устройство. Государственный идеал" (Париж, 1931) и др.

Активная научная и публицистическая деятельность евразийцев подтверждала большой интерес к их учению. Н.С. Трубецкой, писал 28 июня 1921 г. известному лингвисту и историку литературы Р.О. Якобсону: "Направление это носится в воздухе. Я чувствую его в стихах М. Волошина, А. Блока, С. Есенина и в "Путях России" Бунакова-Фондаминского, в то же время в разговорах некоторых правых и даже одного заядлого кадета" [110].

Первоначально дискуссии евразийцев во многом повторяли старую полемику западников и славянофилов о специфике Востока и Запада, о месте России в истории мировой цивилизации, о почвенничестве и его противостоянии западным влияниям. Однако необходимость оценки результатов Октябрьской революции и послевоенного развития России-СССР воздействовала на политизацию евразийского движения. Политические пристрастия эмигрантской среды обусловили ее перманентную враждебность к советской системе при неизменном осознании своей русскости. Хотели или нет эмигранты, но на их деятельности вне Отечества долгое время сказывались рожденные антипатией к Советам политические шоры и стимулировавшие призрачность будущего благополучия трудности адаптации в инонациональной среде. Крах традиционных представлений о добре и зле, утрата привычного образа жизни, оскорбленное чувство собственного достоинства рождали катастрофичность ее мироощущения, которая парадоксально сочеталась с надеждами на реальное воплощение евразийских идеалов. Авторы предисловия к программному сборнику "Исход к Востоку" писали: "Тот отрезок времени, в котором протекает наша жизнь, начиная от возникновения войны, переживается нами как поворотное, а не только переходное время. В совершившемся и совершающемся мы видим не только потрясение, но кризис и ожидаем от наступающего - глубокого изменения привычного облика мира" [111].

Предисловие к сборнику - ключ к постижению сути тенденций, впоследствии обозначившихся в духовной жизни эмигрантской интел-

лигенции. Их содержание было обусловлено существенным поворотом в представлениях эмигрантов о революции и перспективах России. Подчеркивая глобальный характер революционного процесса евразийцы сравнивали его с величайшими известными истории потрясениями и переломами "в судьбах культуры, вроде завоевания Александром Македонским Древнего Востока или великого переселения народов" [112]. В надежде прояснить будущее России они обратились к истокам взаимосвязей Азии и Европы.

Рождение евразийства, разрушавшего европоцентрическую картину мира, выглядит закономерным в связи с тотальным кризисом сознания и самодостаточной европейской цивилизации как следствия мировой войны и революции. Символом времени стала книга О. Шпенглера "Закат Европы" [113], настороженно или с раздражением встреченная в академической среде и с нескрываемым восторгом - за ее пределами. "Исход к Востоку" стал для русской эмиграции своеобразным ответом на "Закат Европы". В то же время восприятие евразийцами российского мира как самостоятельного "континента" позволяло провести аналогии с концепцией Шпенглера, настаивавшего на самодостаточности и замкнутости культур.

С мыслями о будущем России предстояло отреагировать на традиционный спор славянофилов и западников, еще в прошлом столетии отражавший идейную борьбу вокруг двух альтернативных линий ее развития. Первая, как известно, предполагала исключительную самобытность страны и русскость народного менталитета, такую степень ее особости, когда и самому русскому смысл существования Отечества не вполне доступен: "Умом Россию не понять, // Аршином общим не измерить: // У ней особенная стать - // В Россию можно только верить" (Ф. И. Тютчев). Вторая - исходила из тяготения России (особенно с петровского времени) к Западу и его культурным ценностям, образу жизни, экономическим структурам и опыту как образцу. "Делать жизнь с кого?" - этот, сформулированный В. В. Маяковским, сакраментальный для советского времени вопрос в XIX в. имел для ее сторонников один безапелляционный ответ: с Западной Европы. Категоричность обеих позиций мешала их творческому восприятию и диктовала, в конечном счете, идею рационального сочетания лучших элементов их содержания.

Евразийцы создали новую, синтетическую концепцию развития России, ее места в мировой цивилизации, которое, по их мнению, предопределялось географическими и геополитическими особенностями Руси-России и ее взаимодействия с Югом, Западом и Востоком. Они не отрицали влияния ни европейской, ни азиатской культурной среды, подчеркивая, что на разных этапах истории источники этого взаимодействия и соответственно русской ориентации менялись: с начала христианизации Русь ориентировалась на православную Византию, в годы соприкосновения с монголо-татарами преобладало восточное влияние, со времени Петра I - западноевропейское. Однако Россия не копировала механически чужие опыт и элементы культуры. Она самобытно перерабатывала их и приспособлявала к своим потребностям все заимствования. При этом особое место создателями евразийской идеологии отводилось синтезу русского и азиатского, туранского* типов духовной и политической культуры, следствием которого стали политическая централизация и граничащее с деспотией самодержавие, а на бытовом уровне - погружение личности в общество, ее предрасположенность к коллективной деятельности и, следовательно, к коллективной ответственности.

В концентрированном виде идеология евразийства нашла оформление в 1926 г. в публикации под названием "Евразийство (опыт систематического изложения)". В сжатом варианте и декларативной форме документ был продублирован под заголовком "Евразийство". Формулировка 1927 года". Исходная мысль, отраженная в них, заклю-

---

* Под историческим Тураном понимались степные арийцы, исповедовавшие последовательно культ дэвов и буддизм и противостоявшие Ирану, т.е. оседлым ариям с их заратустризмом, а позже - исламом. В обобщенном варианте Туран - это Средняя Азия и регион современного Афганистана, обладавшие специфической по отношению к Европе культурой, это противоположный народам Средиземноморья и европейского континента "степной мир". См. об этом: Бицилли П. М. "Восток" и "Запад" в истории Старого Света // Евразия: народы, культуры, религии. Научно-популярный иллюстрированный журнал. М., 1993, №2, с. 21-23; Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л., 1990, с. 215; Он же. Этногенез и биосфера земли. Л., 1990, с. 167; Он же. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку, 1990, с. 56-60.

чалась в том, что всякое движение, в том числе евразийское, определяется конкретной идеологией и вытекающей из нее системой актуальных практических задач, т.е. программой. Очевидно, что речь шла уже не столько о научной теории, осмысляющей своеобразие исторической и этнической эволюции России, сколько об идеологии, призванной эту эволюцию направлять. Сменовеховские попытки разработать идеологию, освящающую некоммунистический вариант национального развития России, не увенчались успехом. Не сумев противопоставить коммунистическим декларациям нечто существенно новое и привлекательное для масс, сменовеховцы, лишенные к тому же политической основы внутри СССР, от признания большевистского режима перешли к сотрудничеству с ним. Для них, считали евразийцы, "поворот к России стал <...> началом растворения в коммунизме" [114]. Их идеология абстрактна и опасна тем, что может стать вредной, если ее создатели поверят в ее осуществимость. Что же касается большевиков, то они, по мнению евразийцев, "не остались нечувствительными к потребностям русской действительности". Это позволило русскому народу использовать их "как орудие для спасения русской территории и воссоздания русской государственности. Более того, русский народ заставил большевиков-коммунистов помимо их воли и сознания осуществить многое, для его будущего чрезвычайно важное" [115].

Определяя идеологию как "органическую систему идей", бóльшая часть которых служит целям внутренне необходимого самораскрытия одной основной идеи, евразийцы утверждали, что свойственные ей "универсальность", "симфоничность" или "соборность" не могут "отрицать конкретную действительность и противоречить ее существу", поскольку "истинная идея и есть смысл самой действительности" [116]. Что касается ее предпосылок, то таковой выступает прежде всего православие. Именно на него "проистекают основы истинной идеологии" и именно оно открывает путь к сознательно-волевому действию.

Авторы этого документа обращались не только к единомышленникам, но и к читателям, не разделявшим их идеологию. "Мы знаем, - писали они, - что многие даже верующие люди еще не доспели до сознания единства веры и деятельности, что еще больше людей, не

доросших до религиозного сознания. Но мы уверены, что с теми, кто вникает в русский революционный процесс и непредвзято его переживает и осмысляет, мы найдем общий язык и столкнемся на почве конкретной программы" [117].

Евразийцы учитывали, что территория России населена не только русскими, не только православными. Иные верования воспринимались как равнозначное язычеству "потенциальное православие". Это давало им основания надеяться на наличие некоего начала, цементирующего все население страны и способного стимулировать религиозно-культурное единство в рамках все той же России и ее государственности, но под иным названием. "Надо выбирать, - считали они, - между уже вошедшими в употребление понятиями: неудобопроизносимым четырехбуквием СССР и Евразией". И далее: "Евразия понимается нами как особая симфонически-личная индивидуация Православной Церкви и культуры. Основание ее единства и существо его в Православной Вере", которая мыслится как соборное единство разных понятий [118].

Что касается евразийской культуры, то она представлялась ее провозвестникам своеобразной симфонией, в которой исходное и руководящее начало принадлежит собственно русской культуре, но которая едина в своей полиэтнологичности и географической определенности. Опора на этот тезис позволила дать следующее определение: "Культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских; ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других. Она - совершенно особая, специфическая культура, обладающая не меньшей самоценностью и не меньшим историческим значением, чем европейские и азиатские. Ее надо противопоставить культурам Европы и Азии как срединную, евразийскую культуру. <...> Мы должны осознать себя евразийцами, чтобы осознать себя русскими" [119].

Эта позиция отражала упорно циркулировавшую в России (СССР) и в эмиграции идею смены культуры, хотя предполагавшиеся доминантные ценности новой культуры не были для этого замысла однозначными. Как подчеркивал Н. С. Трубецкой, "общими задачами большевизма и евразийства является отвержение старой и создание новой культуры...". Однако только этим и исчерпывалась общность обеих позиций. "Внутренние движущие мотивы большевизма и евразийства

диаметрально противоположны. Ту культуру, которая подлежит отмене, большевики именуют "буржуазной", а евразийцы - "романо-германской"; и ту культуру, которая должна стать на ее место, большевики мыслят как "пролетарскую", а евразийцы - как "национальную" (в отношении России - евразийскую) [120].

Достаточно острой оставалась проблема политического бытия. Дискуссии эмигрантов-евразийцев вращались вокруг нескольких проблем, среди которых первостепенными значились вопросы, касавшиеся государственной идеологии, содержания и форм государственности, места партии в государственной структуре и др. К ним примыкали и проблемы общечеловеческой миссии России.

В программном документе "Евразийство (опыт систематического изложения)" и в ряде других материалов подчеркивалось, что "коммунистическая идеология несомненно и окончательно погибнет <...>. Ее гибель угрожает гибелью и большевистской партии. <...> С гибелью же большевистской партии, если она не будет заменена, связаны серьезные опасности <...> и для нормального развития самой Евразии-России". В этой ситуации "необходима новая идеология и необходима, как носительница ее, новая партия, не менее одушевленная и сплоченная, чем первые большевики". Это будет партия "особого рода", "правительствующая" и своею властью ни с кем не делящаяся, даже исключая существование других таких же партий. Ее идеология - "сознательно религиозная, православная и не отвлеченно-интернациональная, а евразийско-русская" [121]. И партия, и государство должны быть освобождены от организационно-религиозных черт и традиций, но при соблюдении религиозно-нравственного примата церкви.

Идеологи евразийства, считая целесообразным опираться на "нынешний (большевистский - А. Д.) правящий слой", вместе с тем исходили "из признания основ ныне существующего государственного строя России, созданной революцией формы демократии. <...> Революция привела к созданию наилучшим образом выражающей евразийскую идею формы - к форме федерации". Советский строй, освобожденный от коммунистической диктатуры и основанной им народности, т.е. "органической связи между массой народа <...> и вырастающим из народа правящим слоем", мыслился как удобная форма государствен-

ной системы, берущей на себя не только экономические и политические, но и образовательные функции, включая политическое воспитание молодежи [122].

Русская эмиграция, а с нею и Россия-СССР, должны окончательно и безоговорочно признать совершившийся после революции акт перераспределения собственности, государство же впредь обязано сохранять право индивидуального владения с его точной регламентацией. Оно обязано контролировать и регулировать конкуренцию с точки зрения интересов и рабочего, и капиталиста. Новой государственности России-Евразии предстоит стать исходным пунктом развития страны и ее исторической общечеловеческой миссии. Ее и народа саморазвитие - это "не эгоистическое саморазвитие для себя, но саморазвитие для саморазвития же других" [123]. Входящие в состав России народы, полагал Н.Н. Алексеев - один из творцов евразийской идеологии, обязаны получить ~~полную~~ возможность формирования своей индивидуальности и внесения ~~своего~~ дара в общесоюзное дело. "Поэтому нормой русской политики должно быть следующее положение: полная культурная автономия народов России, но не разложение их на самостоятельные политические единства, враждебные друг другу и питающие дух национального партикуляризма и сепаратизма. <...> Принципом Федерации должна быть не национальность, но реальное географическое и экономическое целое в виде области или края" [124]. Для целостности России весьма полезен созданный во имя необходимости коммунистической диктатуры централизм, который стихийно породил государственную структуру Советов, чьи возможности и преимущества как формы власти могут вне большевизма сослужить России-Евразии полезную службу [125].

Исторические условия, считали евразийцы, складываются для их центральной идеи весьма благоприятно. Огромные пространства их Родины, как и совпадение ее культуры с естественными границами страны (т.е. ее "материальный" объем), создадут условия для материального воплощения евразийской идеологии. Они тем более реальны, что русская революция уже прошла свой "воинственный период" и стране больше не грозит бонапартизм. Наоборот, создаются условия для благополучного внутреннего саморазвития России, единственно соответствующего ее историческому назначению. Таким было в 20-х годах государственническое кредо евразийства.

Имела ли русская эмиграция в его лице обнадеживающую реальность или оно было очередной, так богатой в русской истории, мифологизацией рассчитанного на осуществление идеала? Несомненно, эмигрантское общество имело дело с идеологической и политической утопией. По мнению академика И. А. Исаева, евразийство имело два лица и два измерения. Наряду с фантастическими элементами в нем проявились сильные и тонкие интуиции, предчувствия и прогнозы. Пересматривая прошлое, оно включало былое в ткань представлений о настоящем и, добавим, о будущем. Поэтому к евразийству не следует относиться как к несбывшемуся мифу и надежде. "Обладая большой, хотя и скрытой реальностью, оно само питает ожидание людей на рождение нового мира, особенно в трудные для них переходные времена" [126].

Евразийство породило не только сторонников, но и достаточно серьезных оппонентов, в числе которых очень скоро оказались Н. А. Бердяев, А. А. Кизеветтер, П. Н. Милюков, Ф. А. Степун, П. Б. Струве и др. К концу 20-х гг. в его рядах наметился раскол. Отрицание вызывали не только приемлемость евразийцами революции в ее "факте свершения", не только не оправданные реальностью представления о внутрисоветских процессах, но и наивная надежда на практическую действенность своей теории.

Первым свидетельством кризиса стал отход от движения П. М. Бицилли, Г. В. Флоровского. В 1925 г. появилась статья профессора А. А. Кизеветтера "Евразийство", в которой он именовал движение "настроением, вообразившим себя системой". Ход мысли евразийцев, писал он, "пронизан противоречиями. Их попытки подвести под свое всеопределяющее настроение наукообразный фундамент убеждают лишь в том, что этот их фундамент сколочен на скорую руку из материалов весьма сомнительной прочности" [127]. В частности, А. А. Кизеветтер считал сомнительным евразийский подход к проблеме синтеза европейского и азиатского элементов в российской культуре, когда предполагаемый синтез понимается как борьба между европейским и азиатским началами, в которой верх должны взять азиатские элементы, так как подлинная сердцевина русскости заключается будто бы в азиатчине [128]. О сочетании двух начал евразийцы упоминают лишь ради "стилистической инкрустации", тогда как их подлинные устрем-

ления направлены на борьбу с европеизмом. Это, во-первых. И, во-вторых, ими отрицается наличие в национальных культурах общечеловеческих элементов и утверждается, будто человечество в своей культурной жизни разбито на взаимно чуждые миры, исключаящие появление общепризнанных ценностей, а значит, и некоторое единство культурных процессов. В заключение А. А. Кизеветтер подверг критике попытку евразийцев набиться в идейное родство славянофилам, аморфность программных положений в области экономики и политики, неприемлемость ими парламентаризма как "исчадия европеизма" и, наконец, пренебрежение неудобными историческими фактами.

В 1927 г. увидел свет цикл статей, критически осмыслявших идеологию евразийского движения. Их авторы Н. А. Бердяев (Утопический этатизм евразийцев// Путь. Париж, 1927, № 8), П. М. Бицилли (Два лика евразийства//Современные записки. Париж, 1927, кн. 31.), И. А. Ильин (Самобытность или оригинальничанье?//Русская мысль. Берлин, 1927, кн. 1), отмечая в евразийском "катехизисе" наличие идеологической, религиозно-философской и религиозно-общественной сторон, которые не могут не интересоваться эмиграцию, подчеркивали противоречивость и утопичность теоретизирования евразийцев, оригинальничание и некорректное решение таких проблем, как "власть и народ", "церковь и государство", "соотношение европейского и азиатского влияний в русской культуре", "инонациональное воздействие и самобытность народа" и др. Вышедшая в следующем году статья Г. В. Флоровского "Евразийский соблазн" фактически поставила точку в отрицании евразийского движения, которое к началу 30-х гг. заметно пошло на убыль. Через всю эту работу красной нитью прошла мысль о том, что судьба евразийцев - это история духовной неудачи. Они раньше и больше многих других ощутили острые вопросы современности, но ответить на них должным образом не смогли. Открытая ими правда была "правдой вопросов и неправдой ответов", "правдой проблем, но не решений". Первоначальное евразийство хотело стать призывом к духовному пробуждению. Но надежде не суждено было сбыться. Нужно, рекомендовал Флоровский, вернуться к исходной точке. И тогда, быть может, откроются новые горизонты, выявятся новые и на этот раз верные пути [129].

Организационным актом, свидетельствовавшим о глубине раскола в евразийском движении, стало учреждение Парижского центра евразийства, в деятельности которого немалую роль играли Л. П. Карсавин, князь Д. П. Святополк-Мирский, П. П. Сувчинский, С. Я. Эфрон. В 1928 г. под его эгидой возникло новое издание - еженедельник "Евразия", просоветская ориентация которого вскоре вызвала сомнения относительно материальных источников его существования. Сегодня известно, что заигрывание некоторых деятелей движения с большевиками способствовало внедрению в его ряды чекистов, чьи средства стимулировали появление этой газеты [130].

Как отмечают Л. И. Новикова и И. Н. Сиземская - авторы вводной статьи к антологии "Мир России - Евразия", появление "Евразии" именно в Париже было сочтено оформлением в евразийстве "левого" крыла, вставшего на путь ревизии его классических (парижских) установок [131]. Реакция основателей движения не заставила себя ждать. Уже в 7-м номере "Евразии" было опубликовано категоричное письмо председателя Евразийского совета Н. С. Трубецкого, подчеркивавшего: "Раскол стал фактом, который невозможно замалчивать. В частности, приходится отметить, что газета "Евразия" в вышедших до сих пор номерах отражала почти исключительно одно из течений евразийства, притом течение, склонное к замене других, ничего общего с евразийством не имеющих учений (марксизм, Федоровство*) [132]. С прискорбием отмечая факт раскола и сильно опасаясь, что отколовшиеся друг от друга евразийские течения, развиваясь во взаимостолкновении, могут дойти до противоположных крайностей, я <...> заявляю о своем выходе из газеты "Евразия" и из евразийской организации" [133]. Решение Н. С. Трубецкого оказалось весьма знаменательным. Ему последовал ряд других зачинателей течения, а П. Н. Савицкий назвал газету "Анти-Евразия", заявив при

---

* Имеется в виду идея регуляции природы средствами науки и техники вплоть до воскрешения и бессмертия человека, мыслимые как "общее дело". Сформулирована в книге Н. Ф. Федорова (1828-1903) "Философия общего дела" (т. 1. Верный, 1906; т. 2. М., 1913), изданной его учениками.

этом: "В нынешнем ее виде газета "Евразия" каждым евразийцем должна рассматриваться как не евразийский и антиевразийский орган" [134].

Отрицательное отношение ряда основателей движения к газете привело к отходу от сотрудничества с нею многих мыслящих эмигрантов. "Евразия" продержалась "на плаву" не долго. Ее последний номер вышел в 1929 г. В наступившем четвертом десятилетии XX века и само движение пошло на убыль, сойдя накануне войны на нет. Не смог остановить эту тенденцию даже состоявшийся в 1932 г. Первый съезд Евразийской организации, принявший "Декларацию" и утвердивший программные тезисы. После него вышло еще несколько сборников "Евразийской хроники" и "Евразийских тетрадей", публиковались статьи, так или иначе касавшиеся позиций евразийских лидеров по актуальным проблемам предвоенной жизни и политической борьбы. Но среди них были лишь отдельные работы, носившие принципиальный характер.

Приход к власти в Германии нацистов стимулировал пропаганду идей расизма и в русской эмигрантской среде. Правда, основное их содержание связывалось с еврейским вопросом в России и СССР, чьи национальные проблемы наиболее воинственная часть политически ангажированной эмиграции рассчитывала решить в процессе ликвидации Советского государства. Унаследованный со времени гражданской войны антисемитизм к 30-м годам существенно ослабел: устранение Л. Д. Троцкого и близкой ему по воззрениям группы партийно-государственных деятелей снимало в ее представлениях "проблему" "большевистски-еврейского засилья". Но это не означало полного устранения антисемитизма как идеологии. Наоборот, он сознательно поднимался гитлеровской пропагандой и использовался ею в качестве средства притяжения русского зарубежья к решению германских внешнеполитических задач.

В этих условиях группа русских эмигрантов-антисемитов постаралась привлечь на свою сторону евразийское движение. Ее позиция мотивировалась следующим. Исходным признавалось положение, согласно которому население СССР (по теории фон Эйкштедта) делилось в основном на три сроднившиеся и перемешавшиеся и потому имеющие

ряд общих психологических черт расы - восточно-европейскую, туранскую и тунгидную. Евреи же не принадлежали ни к одной из них и представлялись для России "инородным телом". Их психология якобы не только не соответствовала ее культурным традициям, но даже была чужда им, а сами евреи будто бы разлагающе действовали на коренное население. Отсюда следовало направленное евразийскому движению "предложение" добиваться запрета евреям занимать в России-Евразии какие бы то ни было должности, а коренному населению страны запретить браки с евреями и представителями других чуждых евразийству рас.

Ответ русским расистам дал Н.С. Трубецкой. В статье "О расизме", опубликованной в №5 "Евразийских тетрадей" за 1935 г., он подчеркнул, что, "исследуя такую сложную проблему, как национальный характер, нельзя исходить из огульного предположения о расовой обусловленности всех черт данного национального характера точно так же, как нельзя объяснить и все черты данного индивидуального характера исключительно одной наследственностью" [135]. Эти черты сами по себе нравственно нейтральны и не могут рассматриваться как признаки определенной расы. Они чаще всего определяются средой, особым положением, которое занимают евреи в сообществе с другими нациями и расами. Будучи в евразийской среде людьми с двухтысячелетней прочной эмигрантской традицией, они обладают рядом психических черт, зачаточные формы которых недавно стали наблюдаться и у русской эмиграции.

Подобно евреям, живущим в рамках инонациональной общности, писал далее Трубецкой, в русской эмигрантской среде "существуют две этические нормы, одна для своих, другая - для коренного населения, <...> точь в точь как у евреев две разные морали: одна для сынов Израиля, другая - для гоев" [136]. Ирония, с которой эмигрант относится к аборигенам приютившей его страны, не что иное, как действие инстинкта самозащиты и самосохранения, когда психологическое отталкивание окружающей среды преобладает над тенденцией слияния с нею. С расой такая психология никогда не связана.

Категорически отвергнув расизм, Н.С. Трубецкой тем самым защитил евразийское течение от пагубного влияния фашистской идеологии, катастрофически повлиявшей в годы второй мировой войны на судьбу поработанных Германией народов.

Российская модернизация, на которую рассчитывали евразийцы, не состоялась. Однако это обстоятельство не дает оснований считать их движение и идеологию абсолютно бесплодными. Ими двигала любовь к России. Они не могли мириться с ее унижением и хотели видеть для своей Родины благоприятную перспективу. "Как в критике своей, - отмечал Г.П. Федотов, - так и в пересмотре русской философии истории, они оплодотворили и будут оплодотворять русскую мысль" [137].

В этой связи не видится случайным интерес к творчеству евразийцев, с большой силой проявившийся после распада СССР. Некоторые из их творческих выводов по сей день питают мысли тех, кто лелеет надежду на новую интеграцию народов бывшего мегароссийского, а ныне постсоветского пространства [138].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интеллектуальная часть русской эмиграции, адаптируясь в инонациональной среде, продолжала жить интересами покинутого Отечества. Ей не были безразличны судьбы народов России, их будущее. Даже те, кто готов был сотрудничать с политическими, а позже и с военными, противниками СССР, все же надеялись на возвращение к родным очагам. Идеи "возвращенчества" стали также достоянием значительной части эмигрантской молодежи, не обремененной опытом прямого противостояния большевистскому режиму. Вот только какой может оказаться к тому времени оставленная ею страна? Останется ли она независимым государством? Или ее ждет судьба сателлита великих держав, чьи политики были непрочь применить опробованную после первой мировой войны версальскую систему расчленения Европы также по отношению к СССР-России? Последнее предположение выглядело эвентуальным и потому тревожило русскую зарубежную общность.

Картину наиболее вероятных последствий навязанного извне развала России нарисовал И. А. Ильин. Отметив, что наша страна представляет собой *"живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся ОРГАНИЗМ, не подлежащий произвольному расчленению"*, ученый подчеркнул: "Расчлененная Россия станет неизлечимой язвой мира" [139]. Она может превратиться в гигантские "Балканы", "мировое бродило", в вечный источник смут и войн, поскольку ее "племенные швы" не совпадают с внешними государственными и внутрисоюзными границами. Каждое вновь образуемое "государствице" должно было бы, по словам Ильина, *"отдать свои меньшинства соседям и включить в свой состав обильные чужие меньшинства"* [140].

Как бы ни был нежелателен для русских такой поворот событий, им тем не менее следовало быть готовыми к нему. И. А. Ильин считал, что "расчленители России попытаются провести свой враждебный и нелепый опыт даже и в послебольшевистском хаосе, обманно выдавая его за высшее торжество "свободы", "демократии" и "федерализма", <...> мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг

"Народы бывшей России, расчленийтесь!" [141]. И тогда... страну ждут тяжкие испытания. От нее отпочкнутся "отдельные государства" ("самостийная Украина", "слабосильные" Эстония, Латвия, Литва и др.). "Добрые соседи" станут вмешиваться в ее внутренние дела, начнется разграбление хозяйства, войдут в массовую практику подкупы, расхищение недр, политическая коррупция, организация наемных сепаратистских банд, противорусская агитация и пропаганда, внутрirosсийская гражданская война. Процесс всероссийского расчленения будет сопровождаться одновременным стремлением внешних сил к паневропейскому объединению без и вопреки России.

Но, полагал Ильин, а с ним и многие другие эмигранты-россияне, план расчленения российского государства будет иметь "свой предел в реальных интересах России и всего человечества". И однажды страна очнется и "начнет воспроизведение всего хода своей истории заново: она как великий "организм" снова примется собирать свои "члены". <...> Россия - не человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании. <...> Придет исторический час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!" [142].

Так закончил И. А. Ильин свое эссе "Что сулит миру расчленение России".

Распад СССР состоялся по близкому (с поправкой на время) к вышеизложенному сценарию. Нынешнее поколение россиян стало свидетелем появления в постсоветском геополитическом пространстве пятнадцати суверенных государств. Страна оказалась поставленной перед необходимостью разрешения целого блока внутренних и внешнеполитических проблем, многие из которых были предвидены русской эмиграцией первой пореволюционной волны.

Современным реформаторам, если они действительно озабочены будущим России, стбит непредубежденно осмыслить пророчества оказавшихся вне Родины ученых-россиян. Такой подход позволит выработать основы подлинно демократической национальной политики, способной во имя лучшего будущего страны сцементировать единство проживающих в ней народов и преодолеть последствия трагедии расчленения СССР.

1. См.: Гак А.М., Массальская А.С., Селезнева И.Н. Депортация инакомыслящих в 1922 году (Позиция В.И. Ленина) // Кентавр: Историко-политологический журнал. М., 1993, № 5; Коган Л.А. Выслать за границу безжалостно (Новое об изгнании духовной элиты) // Вопр. философии, 1993, № 9; Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. М., 1991; и др.

2. См.: Энциклопедический словарь "Россия". СПб., 1898, с. 105.

3. См.: Baschmakoff N., Leinonen M. Из истории и быта русских в Финляндии. 1917-1939. По печатным материалам, воспоминаниям и рассказам самих русских. Ч.1//Studia slavica finlandensia. Tomus VII. Helsinki, 1990:20,21.

Ряд авторов оперирует другими данными. Так, Е.П.Серапионова фиксирует следующую информацию. Великий князь Николай Николаевич, выступая в 1924 г. в Париже, утверждал, что во всех странах мира численность русских эмигрантов составляет около 3 млн. человек. Что касается только Европы и Азии, то здесь по данным, приведенным Фритзофом Нансеном в сентябре 1928 г. на 9-й сессии Лиги Наций, их количество насчитывало 1131 тыс. человек. См.: Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословакии. М., 1995, с. 17, 19.

4. См., напр.: Афанасьев А.Л. Польша в чужих полях. М., 1987; Квакин А.В. Общее и особенное в положении российской диаспоры первой волны. Тверь, 1992; Квакин А.В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период НЭПа. 1921-1927. Саратов, 1991; Косик В.И. Из истории начала российской эмиграции // Славяноведение, 1992, № 4; Комин В.В. Белая эмиграция и вторая мировая война. Калинин, 1979; Комин В.В. Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977; Костиков В.В. Не будем проклинать изгнанье... (Пути и судьбы русской эмиграции). М., 1990; Культура российского зарубежья [Сб. ст.], М., 1995; Манакониев Х. Из историята на руската емиграция в България//Летописи. София, 1994, №11-13; Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь,

1992; Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. М., 1991; Тарле Г.Я. История российского зарубежья: некоторые понятия и основные этапы // Проблемы изучения истории российского зарубежья: Сб. ст. М., 1993; Чернявски Г.И., Даскалов Д. Борбата на БКП против врангелистския заговор. София, 1964; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1986; Шулупова Э.А. Русский некрополь под Парижем. М., 1993; Russen in Berlin. Literatur. Malerei. Theater. Film. 1918-1933. Leipzig, 1991; Schlogel K. Ruska emigrace v Nemecku. 1918-1941//Otzaky a teze // Slovansky přehled. Praha. 1994, N 4, s. 399-403; и др.

5. См.: Baschmakoff N., Leinonen M. Из истории и быта русских в Финляндии..., с. 21; Минцлов С.Р. Русская революция в Финляндии. Фрагменты дневника 1917-1918 годов//Независимая газ., 1996, 1 июля.

6. См., напр.: Гроссен Г.И. Агония Северо-Западной армии. Из тяжелых воспоминаний // Новый Журнал. СПб., 1991, N 8; 1992, N 12; Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров. Л., 1927.

7. Дон Аминадо. Поезд на третьем пути. М., 1991, с. 227.

8. См.: Вьюницкий В. Эмиграция разнесла и разносит по свету наших сограждан // Третье сословие. М., 1992, N 3, с. 7; Николов Ц. Трудешите се в България в защита на Съветската власт (1917-1920) // Октомврийската революция и българо-съветската дружба. София, 1967, с. 103, 112; Ушаков А.И. История гражданской войны в литературе русского зарубежья. М., 1993, с. 7.

9. См.: Кизеветтер А. Работа русских ученых за рубежом//Сегодня. Рига, 1930, 14 окт. [Излагаются материалы, связанные с итогами 5-го съезда русских зарубежных ученых в Софии]; Лукомский Г.К. Художник в русской революции: Записки художественного деятеля. Берлин, 1923; Маковский С. Последние итоги живописи. Берлин, 1922.

10. См. об этом: Алексеев А.Д. Литература русского зарубежья. Книги 1917-1940 гг.: Материалы библиографии. СПб., 1993; Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья. 1920-1970. Париж, 1971 (доп. вып. 1973); Литература русского зарубежья в фондах библиотек Москвы: Краткий справочник. М., 1993.

См. также: Косик В. И., Тесемьников В. А. Вклад русской эмиграции в культуру Югославии // Педагогика, 1994, N5; Пашуто В. Г. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1991; Сапронова Н. Т. Вас. И. Немирович-Данченко: годы эмиграции // Вопросы истории славян: Сб. науч. тр. Вып. 11. Воронеж, 1996, с. 62-77; и др.

11. Любимов Л. На чужбине. М., 1963, с. 157.

12. Сталинский Е. Эмиграция и политика // Воля России. Журнал политики и культуры. Прага, 1931, N 56, май-июнь, с. 464.

13. Там же, с. 469. См. также: Сталинский Е. О третьей эмиграции, бонапартизме, сталинизме, коалиции и демократии // Воля России. Журнал политики и культуры. Прага, 1930, N 10, окт.

14. Например, небольшая группа добровольцев (72 чел.) участвовала в гражданской войне в Испании на стороне генерала Франко. Из них погибло 43 человека. См.: Паласиос-Фернандес Роберто. Русские добровольцы в испанской гражданской войне // Цейхгауз: униформа, награды, оружие, знамена, геральдика. Рос. воен.-ист. журнал. М., 1995, N 4, с. 36; Райхцаум А. Привет от генералиссимуса. Русские добровольцы на стороне франкистов // Независимая газ., 1993, 2 дек.; Русские белоэмигранты в гражданской войне в Испании // Проблемы испанской истории. М., 1992.

15. См., напр.: Коваленко Ю. Советские чекисты и русские эмигранты // Известия, 1991, 13 марта; Назаров М. Накануне 41-го: надежды и иллюзии // Родина. М., 1993, N 7, с. 71-75.

16. Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: Статьи 1948-1954 годов: В 2-х т. М., 1992, т. 1, с. 21.

17. Шафаревич Р. И. Феномен эмиграции // Путь из-под глыб. М., 1991, с. 176.

18. См.: Санкт-Петербургские ведомости, 1993, 3 июня.

19. Цит. по: Кентавр, 1994, N 5, с. 37.

20. Ильин И. Религиозный смысл философии. Три речи. 1914-1923. УМСА-Press, Paris [без г. изд.], с. 67.

21. Хрусталева Н. С. Психология эмиграции (Социально-психологические и личностные проблемы): Автореф. дис. ... д-ра психол. наук/ СПбГУ. СПб., 1996, с. 19.

Достаточно четко выразил эту мысль высланный в 1922 г. из России профессор Петроградского университета В. А. Мякотин: "Мы являемся ненавистниками этой [большевистской. - А. Д.] власти, но

друзьями русского народа". См.: Родина и эмиграция: стенограмма публичного доклада В.А.Мякотина в Париже (январь 1926 г.). Вводная статья, подготовка текста и комментарии Е.Н.Иогансон// Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб., 1994, кн. 5, с. 257.

22. Флоровский Г. О патриотизме праведном и греховном// Русская идея: В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья: В 2-х т. М., 1994, т.1, с. 85-86.

23. См. об этом: Гак А.М., Массальская А.С., Селезнева И.Н. Указ. соч.; Геллер М.С. "Первое предостережение" - удар хлыстом (К истории высылки из Советского Союза деятелей культуры в 1922 г.) // Вопр. философии, 1990, № 9; и др.

Иногда высылка за границу группы ученых России и Украины на "Философском" ("профессорском") пароходе в 1922 г. воспринимается как нелегитимный акт произвола Советского правительства. В действительности же власти постарались под эту и подобную ей акции законодательную базу. 1 июня 1922 г. вступил в действие новый Уголовный кодекс РСФСР, предусматривавший высылку по суду за пропаганду или агитацию "в направлении помощи международной буржуазии". Несколько позже был решен вопрос об административной высылке. Постановлением ВЦИК от 10 августа 1922 г. она могла использоваться "в целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям". Решение этой проблемы вменялось в обязанность Особой комиссии НКВД (такой же правовой акт на четыре дня раньше был принят на Украине). Не откладывая конкретные меры в долгий ящик, 13 августа того же года Коллегия ГПУ под председательством И.С.Уншлихта рассмотрела "Списки антисоветской интеллигенции гор. Москвы, Петрограда и Украины в количестве 217 человек, подлежащих высылке за границу". После 21 августа аналогичные списки с решением о высылке рассматривались некоторое время чуть ли не ежедневно. Впоследствии подобная "практика" коснулась и Л.Д.Троцкого. В январе 1929 г. на пароходе "Ильич" его доставили в Стамбул и насильно высадили на берег. См.: Валентинов Н. НЭП и кризис партии. Воспоминания. Нью-Йорк, 1991, с. 223; Хлопаева М.Е. К вопросу о высылке интеллигенции из России в 1922 году //Российская интеллигенция: XX век: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. 23-24 февраля 1994 г. Екатеринбург, 1994, с. 143-144.

24. Цит. по письму Г.Е. Зиновьева Л.П. Каменеву от 30 июля 1923 г. // Известия ЦК КПСС, 1991, № 4, с. 197.

25. См., напр.: Вильсон В. Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений. М., 1905.

26. Из письма П.П. Скоропадского к Н.М. Могилянскому. См.: Минувшее: Ист. альманах. М.; СПб., 1993, т. 14, с. 265, 267.

О представлениях украинской зарубежной диаспоры относительно теории нации и решения украинского вопроса см. публикации националистов в виде книг (Донцов Д. Национализм. Львів, 1926; Старосольский В. Теорія нації. Відень, 1922; и др.) и материалов журнальных изданий ("Розбудова нації" и др.). См. также: Евдокименко В.Ю. Критика идейних основ українського буржуазного націоналізму. Київ, 1967; Шевцов В.Д. Український буржуазний націоналізм у коричневій уніформі. Київ, 1981; Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996; и др.

27. См.: Ручкин А.Б. Русские ученые-эмигранты в 1920-е годы (на примере Кабинета С.Н. Прокоповича) // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX-XX веках: Сб. ст. М., 1996, с. 116, 121.

28. Устрялов Н.В. Эволюция и тактика // Смена вех. Париж, 1922, 21 янв.

29. См.: Патриотика // Смена вех. Прага, 1921, с. 48. Более доступные широкому современному читателю материалы сборника "Смена вех" опубликованы в виде дайджеста "Независимой газетой". См.: НГ-Сценарии, 1996, 31 июля, с. 4-5.

30. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 60.

31. Там же, с. 94.

32. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: Изд. 9-е. М., 1983, т. 2: 1917-1922, с. 590.

33. См. там же.

34. См.: Агурский М. У истоков национал-большевизма // Минувшее: Ист. альманах. Paris, 1987, т. 4, с. 157-158.

35. Шульгин В.В. "Что нам в них не нравится..." Об антисемитизме в России. М., 1994, с. 423.

36. Карсавин Л.П. Европа в России (Наброски евразийской идеологии) // Логос. Санкт-Петербургские чтения по философии культуры. Кн. 2. Российский духовный опыт. СПб., 1992, с. 153.

37. См.: Никитин Д.Н. Национальный вопрос в СССР в литературе русского зарубежья. 1920-1930-е годы// Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1996, N 4, с. 4.

38. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избр. ст. по философии русской истории и культуры. СПб., 1991, т.1, с. 174.

39. Там же, с. 174.

40. См.: Воля России. Прага, 1930, N 10, окт., с. 873.

41. Федотов Г.П. Указ. соч. т.1, с. 173-174.

42. Шульгин В.В. Указ. соч., с. 231, 232.

43. Цит. по: Никитин Д.Н. Указ. соч., с. 4.

44. См.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990, с. 93, 114-115 и др.

45. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М., 1991, с. 295.

46. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990, с. 189.

47. См.: Никитин Д.Н. Указ. соч., с. 8.

48. Подробнее см.: Никитин Д.Н. Указ. соч., с. 9-12.

49. См.: Современные зап. Париж, 1929, N 40, с. 409.

50. Яковлев Н.Ф. За латинизацию русского алфавита//Культура и письменность Востока. Баку, 1930, вып. 6, с. 35.

Интересно, что еще одна попытка латинизации славянской письменности была предпринята в годы второй мировой войны. Как отметил в своем дневнике глава болгарского правительства Богдан Филов, отказаться от кириллицы советовали болгарам их германские союзники из опасений роста влияния русских на население центра Балкан. Однако болгарские сподвижники Гитлера не решились на такой шаг. См.: Филов Б. Дневник. София, 1990, с. 343.

51. Подробнее об этом см.: Алпатов В. Мифология в советском языкознании//Вестник Евразии. Независимый науч. журнал. М., 1995, N 1.

52. См.: Нерознак В.П. Мысли об энциклопедии "Языки СССР": проект Н.С.Трубецкого и Р.О.Якобсона//Изв. Акад. наук России. Сер. литературы и языка. 1996, т.55, N 4, с. 77-82. Текст проекта Н.С.Трубецкого и Р.О.Якобсона см. там же, с. 82-84.

53. Федотов Г.П. Судьба и грехи России, т.2, с. 6.

54. Ильин И.А. Для русских. Избранное. Смоленск, 1995, с. 62.

55. Шульгин В.В. Указ. соч., с. 74.

56. Федотов Г.П. Судьба и грехи России, т.2, с. 321.

57. См.: Вольное казачество. Прага, 1928, N 1, с. 17; N 23,

с. 7.

Особо следует оговорить употребление термина "казак" германским командованием в период второй мировой войны. В подписанной в августе 1942 г. генералом Гальдером инструкции "Использование местных подсобных сил на Востоке" содержался приказ "различать в смысле применения к делу <...> людей тюркских народностей и казаков, сражающихся против большевистского врага рука об руку с немецкими солдатами как равноправные соратники" (Из трофейных немецких документов//Воен.-ист. журнал, 1991, N 9, с. 47). В этой связи необходимо заметить, что под именем казаков германское командование зачастую использовало отнюдь не этнически казачьи части (см.: "Wlassow-Aktion", или как германское командование пыталось разложить Советскую Армию и ее тыл в 1941-1945 гг. (По материалам и документам вермахта, СС и СД)//Воен.-ист. журнал, 1992, N 3, с. 23, 24). В лагерях военнопленных оно подбирало из нерусского "контингента" добровольцев, соглашавшихся воевать против Красной Армии, формировало из них многонациональные части и называло их казаками. Это обстоятельство нередко вводило в заблуждение оказавшихся в оккупации советских граждан. Особенно тогда, когда экипированные гитлеровцами так называемые "национальные" формирования мародерствовали или использовались под видом казаков в борьбе с партизанским движением. Некоторые из них, подобно солдатам 606-го грузинского батальона, даже фашистами квалифицировались как сборище "обманщиков, воров, укрывателей, брехунов, ленивцев и грязных свиней в одно и то же время". (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 17, оп. 125, ед. хр. 251, л. 93). Естественно, что в годы немецкой оккупации они и им подобные не были эмигрантами, но стали таковыми позже, если только их не перемолола "мясорубка" мировой войны.

58. Подробнее см.: Борисенок Е.Ю. Формирование политической программы русского казачества в условиях эмиграции в Чехословакии (1920-е - начало 1930-х годов)//Славяноведение, 1996, N 5, с. 18-29.

59. Вейдле В. Задача России. Нью-Йорк, 1956, с. 82.
60. См.: Лосский Н.О. Характер русского народа//Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991, с. 353.
61. Бердяев Н. Судьба России, с. 94.
62. См.: Бердяев Н.А. Судьба России, с. 67, 155; Он же. Истоки и смысл русского коммунизма, с.9, 118, 126; Ильин И.А. Для русских. Избранное, с. 67, 68, 141; и др.
63. Шульгин В.В. Указ. соч., с. 227.
64. Лосский Н.О. Характер русского народа, с. 355-356.
65. Бердяев Н.А. Судьба России, с. 25.
66. Лосский Н.О. Характер русского народа, с. 360.
67. Шульгин В.В. Указ. соч., с. 149, 150.
68. Бердяев Н.А. Судьба России, с. 32.
69. Там же, с. 66.
70. Шульгин В.В. Указ. соч., с. 142, 148.
71. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма, с. 8.
72. Ильин И.А. О России. М., 1991, с. 4.
73. Там же, с. 5.
74. Там же, с. 9.
75. См.: Карсавин Л.П. Европа и Россия (наброски евразийской идеологии), с. 149.
76. Шульгин В.В. Указ. соч., с. 181.
77. О работе съезда см.: Вестник Педагогического бюро. Прага, 1929, № 16-17. Фрагменты докладов и выступлений в развернувшейся на съезде дискуссии см. в подготовленных В.М.Владыкиной материалах: Российская эмиграция: вопросы воспитания молодежи// Педагогика, 1996, № 6, с. 67-71. О формировании и первых годах деятельности русской школы в эмиграции см.: Зарубежная русская школа. 1920-1924. Париж, 1924.
78. Педагогика, 1996, № 6, с. 67.
79. Там же, с. 68.
80. Там же, с. 68-70.
81. Родина и эмиграция: стенограмма публичного доклада В.А.Мякотина в Париже (январь 1926 г.). См. в кн.: Русское прошлое: Ист.-документальный альманах. СПб., 1994, кн.5, с. 257.

82. Независимая газ., 1993, 13 авг. В момент сделанной записи И.И. Литвинов являлся слушателем Института красной профессуры, позже занимал пост советника при Лондонском торгпредстве СССР. В 1933 г. он отказался вернуться на родину.

83. Россия и евреи. К евреям всех стран! //Приложение к кн.: Шульгин В.В. Указ. соч., с. 427-429.

84. Шульгин В.В. Указ. соч. Приложение к кн., с. 437-441.

85. В каноническом тексте: "порвалась - раскочилась". См.: Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем. Л., 1982, т.5, с. 83.

86. Шульгин В.В. Указ. соч., с. 329.

87. См. там же, с. 328. См. также с. 166, 342, 244.

88. См.: Трубецкой Н.С. О расизме //Нева, 1994, N 7, с. 258.

89. См.: Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989, с. 12, 28, 39, 45.

90. Бердяев Н.А. Судьба России, с. 96, 97.

91. Подробнее см.: Бердяев Н.А. О современном национализме //Филос. науки, 1991, N 3, с. 99-104; Он же. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. М., 1991, с. 22.

92. Сорокин П.А. Существенно важные черты русской нации в двадцатом веке. Предисловие к изданию на русском языке// Мол. гвардия, 1990, N 10, с.185. Сокращенный вариант этой работы см. в кн.: О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990, с. 463-489.

93. Сорокин П.А. Указ. соч., с.185, 186, 187.

94. Булгаков С.Н. Соч.: В 2-х т. Избр. статьи. М., 1993, т.2, с. 646.

95. Булгаков С.Н. Указ. соч., т.2, с. 648, 649, 653.

96. Федотов Г.П. Судьба и грехи России, т.1, с. 233-234.

97. Федотов Г.П. Указ. соч., т.2, с. 53.

98. Там же, с. 64-65.

99. Подробнее о реакции эмиграции на советскую национальную политику 30-х годов см.: Никитин Д.Н. Указ. соч., с. 14-18.

100. Савицкий П. Евразийство// Русская идея: В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. М., 1995, т.1, с. 215-216.

101. Савицкий Петр Николаевич (1895-1968) - экономист, географ, славист. Выпускник, затем преподаватель экономического факультета Петроградского политехнического института, ученик

П. Б. Струве. В эмиграции с 1920 г. Приват-доцент Русского юридического факультета в Праге, преподаватель Пражского немецкого университета. Позже - узник мордовских лагерей. Освобожден в 1956 г.

Сувчинский Петр Петрович (1892-1985) - литературовед и искусствовед, меценат.

Трубецкой Николай Сергеевич (1890-1979) - князь, выдающийся филолог и философ, профессор Московского, Ростовского, Софийского и Венского университетов.

Флоровский Георгий Васильевич (1893-1979) - богослов, филолог-историк культуры. Выпускник и приват-доцент Новороссийского университета. В эмиграции - профессор Православного богословского института в Париже, ректор Владимирской семинарии в Нью-Йорке, профессор ряда университетов США.

102. Предчувствия и свершения (Предисловие к сборнику "Исход к Востоку")// Мир России - Евразия: Антология. М., 1995, с. 23.

103. Вейдле В. Россия. Революция. Фрагменты книги//Рус. литература, 1996, N 1, с. 71.

104. Предчувствия и свершения... с. 23.

105. Там же, с. 24, 25, 26.

106. Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме// Мир России - Евразия: Антология, с. 43.

107. Там же, с. 44.

108. Там же, с. 44-45.

109. Флоровский Г. В. О народах неисторических (Страна отцов и Страна детей)//Мир России - Евразия: Антология, с. 21, 38.

110. Цит. по приложению к статье И. А. Тугаринова "Евразийство в круге нашего внимания" // Alma mater, 1992, N 7-9, с. 19. В тексте источника фамилия Бунакова-Фондаминского искажена.

111. Предчувствия и свершения (Предисловие к сборнику "Исход к Востоку"), с. 23.

112. Там же, с. 24.

113. См.: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. I. Гештальт и действительность. М., 1993. Вышедшая в 1918 г. и имевшая шумный успех книга О. Шпенглера переведена на русский язык в 1923 г. Правда, второй ее том не удостоен перевода и до сих пор не доступен русскому читателю.

114. Евразийство (опыт систематического изложения)// Мир России - Евразия: Антология, с. 233.
115. Там же, с. 235.
116. Там же, с. 237, 238.
117. Там же, с. 245.
118. Там же, с. 246, 253.
119. Там же, с. 256-257.
120. Трубецкой Н.С. Мы и другие// Мир России - Евразия: Антология, с. 106, 107.
121. Евразийство (опыт систематического изложения), с. 272, 274.
122. См. там же, с. 274.
123. См. там же, с. 288, 289.
124. Алексеев Н.Н. Советский федерализм// Общественные науки и современность, 1992, N 1, с. 121.
125. См. там же, с. 122-123.
126. Исаев И.А. Евразийство: миф или традиция?// Коммунист, 1991, N12, с. 118.
127. Кизеветтер А.А. Евразийство// Мир России - Евразия: Антология, с. 317.
128. См. там же, с. 318-319.
129. См.: Флоровский Г.В. Евразийский соблазн// Мир России - Евразия: Антология, с. 354.
130. См.: Омельченко Н.А. Споры о евразийстве. Опыт исторической реконструкции//Полит. исслед., 1992, N 3, с. 162.
131. См.: Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Евразийский искус// Мир России - Евразия: Антология, с. 8-9.
132. О мировоззрении Н.Ф.Федорова см.: Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Париж, 1937; Львов В. Загадочный старик. Л., 1977.
133. Трубецкой Н.С. Письмо в редакцию// Мир России - Евразия: Антология, с. 300-301.
134. Савицкий П.Н. Газета "Евразия" не есть евразийский орган// Мир России - Евразия: Антология, с. 312.
135. Трубецкой Н.С. О расизме// Нева, 1994, N 7, с. 258.
136. Там же, с. 259.

137. Федотов Г.П. Россия, Европа и мы// Федотов Г.П. Судьба и грехи России, т.2, с. 11.

138. См. об этом: Баграмов Э.А. Национальная идея в евразийском контексте// Евразия. Народы. Культуры. Религии. 1996, N 1 (4), с. 9-16; Назарбаев Н. Евразийский союз: стратегия интеграции// Там же, с. 3-8; Евразийство и современность (по материалам "круглого стола")// Alma mater, 1993, N 5, с. 33-44; "Евразийский союз": идея, проблемы, перспективы ("круглый стол")//Социально-полит. журнал, 1995, N1, с. 17-28; и др.

139. Ильин И.А. О России. М., 1991, с. 23.

140. Там же, с. 26-27.

141. Там же, с. 28, 29.

142. Там же, с. 31, т 32.

Оглавление

Введение.....	3
1. Эмиграция как политическое явление.....	4
2. Проблемы наций и национальной политики в трудах русских эмигрантов.....	20
3. Евразийство - одно из направлений идеологии русского зарубежья.....	45
Заключение.....	64
Примечания.....	66

Доронченков Аскольд Иванович
доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
действительный член Академии
гуманитарных наук, член-корреспондент
Петровской академии наук и искусств

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ "ПЕРВОЙ ВОЛНЫ"
О НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ
ПОКИНУТОГО ОТЕЧЕСТВА

Очерк

Редактор М. А. Савельева
Компьютерный набор: М. Н. Шилова

Лицензия N 020671 от 07.12.92

Подписано к печати 12.03.97.

Формат 60x84/16

Бумага типографская.

Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 4,6

Печ. л. 5.

Усл. печ. л. 4,65.

Тираж 300 экз. (1-й з-д: 100)

Заказ 157.

С4

Центральный институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов профессионального образования Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации
192007, Санкт-Петербург, ул. Воронежская, 79

Типография ВИР. 189623, г. Павловск, ул. Горная